

Тинатин Мжаванадзе

САМОЛЁТ УЛЕТИТ БЕЗ МЕНЯ

Истории
о людях
в поисках
счастья

Тинатин Мжаванадзе

Самолет улетит без меня

Серия «Люди, которые всегда со мной»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17166562
Т. Мжаванадзе. Самолет улетит без меня: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145578-1*

Аннотация

В обыкновенной жизни порой случаются поворотные моменты, которые выбивают человека из седла, повергают его в отчаяние и заставляют измениться – вдруг проявляются дремавшие до этого момента свойства: один, казавшийся сильным и грозным, покоряется судьбе и сдается, другой – беззаботный и легкомысленный – неожиданно обнаруживает стальной характер, третий, тот, кто был самым верным другом, предает любимых, четвертый же, наоборот, протягивает руку помощи врагу.

Все истории, рассказанные в этой книге, – о людях в поисках счастья.

Иногда приходится проделать немыслимо сложный путь, запутаться и заблудиться, потерять веру в себя, но все же выбраться к желанному берегу благодаря надежде.

Содержание

Самолет улетит без меня

5

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Тинатин Мжаванадзе

Самолет улетит без меня

© Тинатин Мжаванадзе, текст, 2015

© Александр Заварин, иллюстрация на обложке, 2015

© Юлия Межова, иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Самолет улетит без меня

Сидя за столиком кофейни морвокзала, Лика смотрела во все глаза на своего обожаемого Генриха и поминутно смеялась над чем-нибудь совершенно пустяковым, просто от переизбытка радости.

Все было как в лучшие времена: море тыкалось лбом в изъеденные, поросшие водорослями пузырчатые камни набережной, в утреннем нагретом воздухе крепко пахло йодом, рыбаки стояли в ряд, молча сторожа удочки, чайки покрикивали друга на друга, доводя гуляющих малышей до восторженного писка драками за подброшенные в воздух кусочки хлеба.

Солнце просунуло руки сквозь решетку, расчертив плиты полосками цвета пиратского золота, и остальная жизнь задвинулась в дальний чулан – век бы так сидеть, зависнув посреди счастья.

Словно ничего не поменялось в окружающем мире – не рушились страны, не сдвигались границы, люди не скатывались на дно и не становились в один миг нищими. Не опустели пляжи курортного города, не заржавели солнечные зонты, и ветер не треплет в лохмотья их линялый брезент.

Можно было притвориться, что впереди – безмятежное, заранее решенное будущее, можно было верить, что их родной городок – лучшее место на планете.

Они, как прежде, генерировали вдвоем бредовые идеи, еще со времен совместного просиживания на уроках физики. Вытащив из сумки блокнот и карандаш, Лика стала набрасывать недавно придуманный «Список отличий жителей городка Б.».

– Что первое в голову придет, – она воинственно вздернула карандаш.

– Кофе! – хором сказали оба и засмеялись.

У вас непременно есть в доме кофейные зерна, специальная сковородка для жарки кофейных зерен, кофемолка, джезва и чашки – даже если вы ненавидите кофе. Если у вас не будет кофе, к вам перестанут ходить гости.

– А помнишь градации кофепития в гостях? Буйрум-кофе – добро пожаловать, дорогие гости, мусафир-кофе – под сплетни, и под конец – айде-кофе, на прощание!

– Уникальные традиции, – ухмыльнулся Генрих, – сейчас иногда и вместо обеда кофе подают, а если гость не понимает, что пора сваливать, – сиктур-кофе!

– Это от бедности, – предположила Лика. – Раньше что ни день застолья закатывали, а сейчас – сидят, боятся, чтобы гости не обожрали. И не хами мне тут! Как было тринадцать лет, так и осталось. Что еще скажешь? Наобум.

Каждая девочка в этом городе ходила в музыкальную

школу.

– Везет девочкам, – вздохнул Генрих. – Я вот тоже хотел на музыку, но меня не отдали, потому что я не девочка.

– У тебя просто слуха нет, – меланхолично возразила Лика, – а то некоторые мальчишки тоже ходили. Ты бы проклял родителей, уж поверь мне. Давай дальше!

Генрих смотрел так, как умел только он, – наверное, так смотрит мастер-стеклодув на расплавленную заготовку на трубочке: вот она уже мягкая, как жвачка, и верти из нее что хочешь – хоть фужер, хоть лампочку. Он подбрасывал скабрзные идеи для списка и наслаждался Ликиным смущением.

Она отклоняла их или преобразовывала во что-то приличное.

Вы умеете играть в карточную игру «Джокер».

– Хотя-я-я-я... сомнительно. Думаешь, больше нигде в «Джокер» не играют? – задумался Генрих.

– Покер, джокер, преферанс. Это все равно только про мальчиков. Я вот не умею, – Лика старательно дописала в блокнот.

У вас есть фотография с обезьянкой, снятая на фоне бамбуковой рощи.

И собственное бамбуковое дерево с вырезанным перочинным ножиком именем.

– Точно! – хором воскликнули они и засмеялись.

– Ты чье имя вырезал? – спросила Лика.

– Свое, конечно. А ты?

– И я свое, – усмехнулась она и опустила глаза в блокнот.

Выйдя из дома, вы как минимум три раза с кем-нибудь поздороваетесь и как минимум два раза остановитесь поболтать.

Все было так идеально, как не могло быть никогда, разве что во сне, и Лика терпеливо ждала, что же он у нее попросит. Невозможно, чтобы Генрих просто так позвал ее пить кофе и прогуляться по городу, – и конечно, он не обманул ее ожиданий: помявшись, спросил про обувную мастерскую ее кузена, дескать, не могут ли ему там сшить недорого козьи сапоги.

– Я узнаю, – улыбаясь, пообещала Лика.

– Какой красивый блокнот, – заметил он, потрогав серую матерчатую обложку. – Покажи-ка!

– Это от фирмы, где я с папой работала, – не удержалась Лика. – Смотри – карты вон есть, и автомобильный атлас, и даже католический календарь!

– А календарь тебе зачем? – усмехнулся Генрих. – В ка-

толички решила податься?

– Да ну тебя, просто интересно, что они там празднуют.

– Умная ты такая, аж страх берет.

– Да уж, – без улыбки подтвердила Лика. – Я просто любопытная.

Хоть бы раз что-нибудь другое сказал.

– В таком блокноте надо писать дневник. Всякие гениальные философские мысли!

– Начала уже, видишь, – усмехнулась Лика, в голове мелькнуло: до чего же он хорошо меня знает.

– Ну что, пойдем? – сказал он, посмотрев счет.

Сразу как будто чуть стемнело, и Лика неохотно поднялась с нагретого кованого стула: практичная мебель города вечных дождей, нас уже не будет, а она переживет все очередные задницы.

– Пошли по старому городу, – пытаюсь замять неловкость, предложил он, Лика кивнула, и они пошатались полчаса по знакомым до каждой трещинки узким улицам.

Возможно, это была их последняя совместная прогулка, и милый сердцу родной город казался застывшим во времени: вот чудесный старинный домик, где часто снимали кино, а за поворотом – детский сад, в который ходила Лика и из которого нелегально сбегала домой – здесь близко; тесные дворики, пропахшие сыростью, с непременно водопроводным краном – из него хлещет самая холодная и вкусная вода; и везде – поперек улиц, на балконах, между стенами – тросы

с бесконечным бельем, надувающимися на ветру крахмальными пододеяльниками и вытянувшимися, как солдатики в строю, носками.

Кто выбирал дорогу – непонятно, дорога сама выбирала их и приглашала пройти по тихой, самой зеленой улице, где постриженные кубами кусты лавра перемежались с густыми кронами китайских роз, индийской сирени, камфарных деревьев, дети играли в футбол на проезжей части, их крики разносились и ударялись прямо в солнечное сплетение – туда, где у Лики жил огромный пылающий шар любви.

Город был как продолжение дома, в нем ничего не могло измениться всерьез. Что может быть лучше, чем поселиться тут вместе и ходить вот так вдвоем, но Генрих уже был нечуждый, ему здесь было тесно и мелко, и Лика поникла, готовясь расстаться со своей бедной мечтой.

Иллюзия медленно рассеивалась – Лика отрывала и выбрасывала по большому клоку розовой ваты, оставляя скучную, довольно жесткую правду.

– Я скоро уезжаю, – сказал Генрих, глядя поверх ее головы – уже спешил по другим, более интересным делам. – Ты список пиши, пиши. Может, что-то дельное наберется. Вообще, странно, что ты осталась тут.

– Кто-то же должен, – возразила Лика, а вместе с ним уходили свет и радость, зачем теперь все.

Расстались очень мило, с облегчением, уговорившись созвониться, – после идиотски приземленной просьбы Генри-

ха между ними поселилось недоумение, и его было не перебить никакими списками.

Распрощавшись, Лика пошла одна и подумала, что она уже много лет живет как верблюд: набредет на оазис, наестся и напьется в два горба, а потом экономно тратит накопленное. Интересно, как потом жить, когда он уедет окончательно?

Она пришла домой после прогулки раздвоенная, как Янус: снаружи светилась близким счастьем, а внутри копошились мрачные муравьи – все это неправда и ничего не будет; однако же на восторженный вопрос тети: «Это твой мальчик, да? Какой красивый, мы как вас увидели, так и остолбенели!» – все равно сердце дрогнуло, как будто он ей предложение завтра сделает.

Значит, можно добавлять еще пункты в «Список».

Вы не можете пройти по городу и одного квартала без того, чтобы вас не увидели, не обсудили и не внесли заключение в досье.

Не стоило тете все это говорить – про красивого мальчика и про ладную пару, ох, что сейчас будет. Да еще повторять много раз, как будто по наивности наступая на мозоль своей дочери, взвинченно щелкавшей пальцами в кухне.

Снимая туфли, Лика старательно улыбнулась, опять наслаждаясь фальшивым успехом: никакой он не был ее маль-

чик, а просто пригласил на прогулку, чтобы задобрить, усыпить бдительность и попросить об одолжении.

Но так было сладко представлять, что все – правда!

И возмездие пришло моментально – кузина, не переставая хрустеть пальцами редкой красоты, гордостью семьи и предметом восхищения и зависти, не своим голосом спросила, глядя в упор: ты когда к сестрице своей переедешь? Не достаточно ты тут жила у нас на шее? У тебя есть более близкие родственники, пора им тоже о тебе позаботиться!

Секунда прошла, как нож сквозь масло, а оно вдруг оказалось живым и закровило.

Они все так думают, просто кузина это сказала вслух.

Молодец.

Один честный человек на всю семью.

Лица тут же пошла собирать сумку, а в доме начался ад в миниатюре. Еще и в этом виновата, это из-за меня тетя плачет от неслыханной грубости дочери, и кузина кричит заячьим голосом, и во всем виновата я, только я.

Без дома

Сумку собрать было недолго, но все равно она оказалась тяжелой, а денег на такси, конечно, не оказалось.

Солнце залило городок по самые крыши, казалось, что улиц в нем нет, а есть одна длинная желтая площадь, которую надо непременно перейти пешком из конца в конец, и

солнце тут же присело на голову, добавив к сумке пуд тяжести.

Ли́ка несла нож, воткнутый прямо в тело, и ничего с ним не делала: притворяться, что не больно, какое-то время не было необходимости.

Это случилось с ней впервые – ее выгнали из дома родные люди, и она идет в дом к другим родным людям, а может, их и дома нет, или у них гости, или они тоже не захотят, чтобы она у них жила.

Больше идти было некуда – к родителям ехать денег нет. Да и как оттуда потом добираться на работу?!

Муравьи торжествующе выстроились колонной, шагая по внутренностям. Зато голова была полна необыкновенной ясности.

Хорошо бы сейчас к морю пойти. Положить сумку, прилечь рядом.

И стать бомжихой.

Может, брошенную лодку найти, перевернуть и устроить под ней гнездышко? Ходить после шторма по гальке и высматривать утонувшие и выброшенные морем драгоценности. Продавать их на «золотой» бирже, тратить на красивую одежду и прослыть городской сумасшедшей.

Тут полно таких. Их знает весь город, их любят, никогда не обижают. Про них рассказывают байки и умиляются. И никогда, никогда не осуждают. Они вне морали и общественного порицания. Какой спрос с сумасшедшего?!

Лику они всегда притягивали и пугали. Папа говорил: «Сумасшедший свободен».

И теперь она поняла, что это правда.

Если вы живете в этом городе, то вы знаете почти всех его сумасшедших.

Сумасшедшие как будто поделили город на сферы влияния.

В центре ходил человек в очках, кедах и спортивном костюме, с синдромом Туретта. Его всегда было слышно изда- лека, он орал громко и очень свирепо, местные жители про- возжали его взглядами, «биржа» сдержанно усмехалась, но так, чтобы он этого не заметил, а деревенские приезжие ша- рахались и прятали детей.

Он ругал страшными словами все подряд. Лика жила то- гда как раз в центре и очень пугалась, но все-таки слушала и поневоле изучила весь его репертуар.

На улице возле цирка ей иногда попадался рыжий танцу- ющий бородач. Он ходил босиком, внезапно начинал при- плясывать и смеяться.

Самый знаменитый ходил в районе базара и детской по- ликлиники. Он был влюблен в молодую врачиху, являлся к ней под окна кабинета и пел одну и ту же песню о любви. Она распахивала окно, бросала ему печенье и подпевала.

В квартале, где жила Ликина сестра, ходил очень опрят-

ный чернявый парень с кротким лицом. Он катил впереди себя самодельную повозку с автомобильным номером: думал, что это его машина. По-детски имитировал звуки мотора и тормозов, останавливался на светофоре с другими автомобилями, пропускал женщин и детей на «зебре», а сигнал у него был настоящий – велосипедный. Всегда был одет в свежую белую сорочку и отглаженные штаны цвета молочного шоколада. Его любили, и никто, никто ни разу не сказал ему, что на самом деле никакой машины у него нет.

А Лика будет особенной сумасшедшей – молодой, красиво одетой и живущей на берегу под лодкой. Уже интересно.

Но дело, видите ли, в том, что у всех, у всех этих несчастных, был дом. Кто-то жил в семье, как этот псевдошофер, а кто-то в психушке.

Во всяком случае, под лодкой на берегу точно никто не жил.

И женщин среди них было исчезающе мало.

Буду первой, повеселела Лика.

И вдруг ей пришло в голову, что можно пойти к Миранде.

Она уже прожила у нее как-то целый год, и теперь можно попросить разрешения перекантоваться недельку, пока появится какая-нибудь дельная мысль.

А может, и лодка найдется на берегу. В конце концов, скоро лето.

Как случилось, что я бездомная, думала Лика. Так не бывает в этом городе. Никогда не было. Даже у самого послед-

него, конченного человека есть родня или, на худой конец, хибарка из фанерок и картона.

В чем я успела так сильно провиниться? Может, права была бабушка, что неоплаченные преступления предков ложатся на ни в чем не повинных потомков, являя миру упрятанные грехи. Что за людоеды были, в таком случае, мои предки? Но почему именно на меня-то?!

А может, это просто моя личная судьба. Никто не виноват, надо просто продолжать барахтаться.

Вот и подъезд Миранды, знакомый до последней ступеньки: каждая дверь на каждом этаже, узор плитки на полу, разбитые стекла в наружных окнах и лифт в летаргическом сне.

Звонок.

Тишина, шебуршание, мягкие шаги, свет исчез из глазка, грохот цепочки.

– Ой, кто к нам пришел!! Ликуша?!

Вот я и дома.

Нет, не совсем дома. Но об этом я еще успею погоревать.

Дом Миранды

Уже третий час Лика пила кофе и рассказывала Миранде о своих делах. Мирандина хорошенькая дочка Клара сидела между ними, развесив уши, и не собиралась никуда уходить.

– Приютишь меня еще раз, Мира? – на всякий случай спросила Лика, хотя все было понятно без слов.

– Конечно, что ты спрашиваешь! – подпрыгнула Клара. – Ура! Будешь мне уроки делать.

– Живи, – выпустила дым Миранда и поправила очки. – Ты меня выручила, теперь моя очередь. Только давай условимся – с уборкой помогаешь, и продукты покупай иногда.

– Я от мамы буду привозить, – обрадовалась Лика. – У нее там всего полно. Ну что, живем, девочки? Принимайте беспризорницу!

Перед сном, уже разложив свой легкомысленный скарб, Лика вытащила из сумки серый матерчатый блокнот, открыла его и дописала последнее на сегодняшний долгий, пылающий и такой разный день:

Все в этом городе считают себя вправе рассматривать и судить чужую жизнь, но вместе с тем вы можете стать родственниками с совершенно неродными людьми. Такова двойственная природа городка Б.

Спать не хотелось.

Лика покосилась на раскидавшуюся рядом во сне Кларочку и перелистала блокнот назад, к страницам, где писался ее дневник. Когда она получила этот блокнот в подарок от фирмы, будущее еще обещало стать лучезарным.

Розовоглазая рыба

У Лики уже все было продумано.

Она работала в странной конторе, куда папа привел ее сразу после окончания университета. Должность называлась – переводчик и технический секретарь. Тут Лике предстояло осуществить долгий план – уехать в Италию.

Во-первых, во-вторых и в-третьих, – перепилить веревку привязанности к Генриху и начать новую прекрасную жизнь.

Торопиться абсолютно некуда и незачем – всему же требуется определенное время для созревания: например, если варишь виноградную кашу, нужно не менее сорока минут, быстрее не получится никак, даже если ты засунешь туда палец и сваришься вместе с мукой. Палец-то там как раз лишний, а нужно время, чтобы каша пропыхтелась, стала гладкой и глянцевой и желировалась. Понимаете? То есть на вид она может быть какая надо, и даже на вкус, и никто вас не осудит; но она должна – если ее разлить в формочки и дать застыть – потом выскальзывать из них, плотная, бликующая, упругая и при этом нежная. А если недоварить, получится размазня, и больше ничего.

В общем, так и с придуманным планом. Смотрите, что было бы: через три месяца Лике была обещана Италия, языковые курсы.

Она тихо-мирно едет туда, обустроивается, честно шли-

фует язык. Но времени не теряет – находит связи в Падуанском университете, подает заявку в аспирантуру, сдает языковой минимум, предъявляет тему диссертации – современная итальянская проза, Дино Буццати, и еще можно поискать, мало ли кто у них появился, и это тоже надо будет узнавать заранее.

Вооооот.

Попадает в Падую, там резные древние камни, пестрые тени на мостовой, профессура, старые скрипучие парты в аудитории.

Вначале записывать лекции на слух будет, конечно, сложно, но очень скоро у Лики появится подруга – лохматая забавная Франческа, очень смуглая и белозубая, с резким гортанным голосом, она ей поможет сначала разбирать непонятный диалект препода, потом они станут неразлучны, она начнет доверять Лике больше всех, а потом пригласит на выходные к себе – в поместье, конечно же, где-то возле Вероны.

И поедут они погулять в эту самую Верону. Не то чтобы Лика молилась на Джульетту, но на Шекспира – да, и там им повстречается молодой человек – немного старше, его зовут Мигель, он по матери испанец, очень деликатный молодой человек, а когда снимает очки – от его глаз можно получить солнечный удар. Глаза у него миндалевидные, аквамариновые, яркие.

Вдвоем они будут интеллигентно иронизировать над культом Вероны и суевериями насчет бронзовой левой груди, и

взгляды встретятся и задержатся, и над ними завьются купидончики с лентами, потом Франческа подмигнет – идите уже, и они пойдут бродить между двух рядов дышащих зноем и прохладой каменных стен, и неловко сцепятся пальцами, и будут ходить, ходить до сумерек, не слыша голосов прохожих.

Додумать остальное Лика откладывала на попозже. Время еще есть, и положено оставить место для импровизации.

А пока надо подтянуть итальянский, чтобы вырулить на этот придуманный сценарий. Вот и лексикон для ведения бизнеса – к сожалению, тут Данте и даже Петрарка не сдались ни за каким чертом, придется зубрить всю эту казенную тоску – но ненадолго, три месяца, кариссима! – любимые друзья подарили аж две штуки, можно учить в четыре руки, по-македонски. Или это в две?

В общем, учила язык, и точка.

И наконец приехал верховный хозяин – Агарский. Шеф долго долго совещался с ним в кабинете, Лика терла пальцы и унимала жилку на виске.

– Па, ты напомнил?

Папа вздыхал, от чего его большой живот разводил в разные стороны полы пиджака, и глядел поверх очков.

– Позовут сами, сколько раз повторять.

Не помня себя, Лика зашла в кабинет, посмотрела в бесцветные – какие-то розоватые, без ресниц – глаза Агарского, взяла буклет, глянула в текст: он смешался, как в доме

Облонских, но разобрала и протарахтела перевод с листа – виртуозно пролетела мимо провала.

– Молодец, молодец, – переглянулись Агарский с шефом, потом рыбы глаза снова посмотрели в Ликины, напряженные. Шеф не поднимал взгляда и сосредоточенно ломал спички на мелкие кусочки.

– Прекрасно, прекрасно, ты блестяще переводишь! Да, Зурабыч? Жемчужина! Зачем тебе еще поднимать уровень языка? Он для нас более чем достаточен.

Старые камни Падуи сильно удивились, покачнулись и поплыли. Франческа, ожидающая подругу в аудитории с задранными на подоконник тонкими ногами, подняла брови, зевнула и перевернула страницу. Поползли и обрушились в воронку летние поля, пестрые мостовые, дорога в Верону, кипарисы и пинии, промелькнули очки Мигеля – Лика не успела увидеть его удивления. Наверное, его посетила неясная грусть, и испанская мама воркует над ним – ничего, ни-ньо, она когда-нибудь появится, кариссимо фильо.

Засыпанный обломками путь нечего было и пытаться расчищать. Всякий бы понял это, глядя в розоватые глаза без ресниц. Агарский забыл о Лике, когда она еще даже не вышла из кабинета. Его нельзя было убить – только проклясть страшным злым проклятием подневольного человека.

Папа ничего не спросил, и правильно сделал, потому что затравленный взгляд дочери нашел его, как объект для ненависти – за то, что этот путь закрыт. Завален. Забит навсегда!

И Франческа подружится с кем-то другим, вполне возможно – с девочкой из Финляндии, они такие спокойные, и у них всегда все получается, они живут в нормальной стране, их единственная проблема – пьющие мужчины. Впрочем, женщины, наверное, тоже.

Вот если бы Лика встретилась с Мигелем, она бы научилась у него варить паэлью и пить рьоху. Может быть, полюбила бы корриду и разлюбила Генриха. Мигель, ты любишь корриду? Не может быть, чтобы да. Ты не такой. погоди секунду, не надо так быстро прощаться со мной.

Ведь мне надо сейчас искать что-нибудь другое, кариссимо.

У Лики не оказалось запасного варианта, и она совершенно не представляла, чем еще можно заняться.

В тот вечер она не стала подниматься наверх, в свою комнату. Небо посерело, и подул совсем ленивый, но уже холодный ветер: зима присылала приветы, ей тут быть через полтора месяца.

А пока темно-зеленые деревца усеяны созревающими мандаринами. Апельсины растут немного дальше, и сейчас ветер всем покажет, как ходить в ливень собирать плоды.

Папин армейский брезентовый дождевик – словно домик улитки, по нему туго лупят струи дождя, выбивая джаз на капюшоне, и вон сколько апельсинов влезло в карманы.

Можно бы остаться здесь, но только если целыми днями ходить в дождевике под ревушим ливнем между деревьев и

чистить горькие апельсиновые шкурки, потом делить оранжевые шары на дольки и отправлять их в рот по одной, а в это время гулкий стук дождя по голове, а ты внутри сухой и теплый.

– Завтра я увольняюсь, – сказала Лика папе, он, хоть и стал плохо слышать, но все понял и не переспросил.

Утренний автобус увез ее навсегда от фирмы на сваях, от Агарского и Италии.

Впрочем, и от улиточного домика тоже.

Дядя и тетя были рады, что Лика поселилась у них: родительская квартира была давно заброшена и не пригодна для жилья, да и вообще – девушке жить одной совершенно недопустимо.

И это бы длилось неизвестно сколько времени, если бы кухня не поставила все на место.

Никогда бы в жизни Лика не могла столкнуться и подружиться с кем-то вроде Миранды, однако новое время взболтало устоявшийся миропорядок, случались и гораздо более странные вещи, чем стать частью чужой семьи.

Лика подоткнула подушку и погрузилась в чтение.

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца

Спасибо сестрице – пристроила корреспондентом в редакцию.

Просто, честно и никаких Италий.

Начальница Наталья женщина хорошая, мы друг другу нравимся. Она меня опекает, как может, предупреждает, где яма, а где мостик, я пока зеленая и со всеми очень мила, как положено младшей по рангу.

Третья в нашем кабинете – Миранда.

Красивая женщина эта Миранда – что-то вроде зрелой русалки, когда длинные волосы еще можно носить распущенными по плечам, но уже очень скоро они станут выглядеть как сушеные водоросли, и придется собирать их в пучок.

Редактор включил ее в число «персон нон грата» для дружбы – в числе прочих женщин невнятной судьбы: заботится о моем реноме, типа – она плохо на меня повлияет. Говорит – Миранда хорошая мать, но тем не менее разведенная женщина с сомнительной репутацией. И еще две такие есть – но они сидят в других кабинетах, встречаемся только на летучках или в коридоре.

У нас тут даже пройти с мужчиной под ручку рискованно, а они себе позволяют жить как вздумается на виду у всего города! Смелые женщины, ничего не скажешь.

Наталья доложила, что Миранда живет с дочерью-подростком, никаких мужчин вроде бы рядом нет, но выглядит как кинозвезда – в красных платьях, шубках и бликующих перстнях. На работу приходит когда проснется, а это не раньше двенадцати, и прежде всего пьет кофе и обходит кабинеты – собрать сплетен.

Кажется, редактор в чем-то прав – что у меня может быть

общего с глуповатой хабалистой бабенкой?

– Она хорошая, – жмурится Наташа, – но доведет меня, что я ее уволю за прогулы!

Вот и сегодня Миранда опоздала на работу.

Наталья злая, как оса, получила по шапке от шефа, не может до нее дозвониться.

– Вот как я буду выкручиваться?! Выгонят ее, будет знать!

И тут коричневая крашеная дверь распахнулась, на пороге – заплаканная дочка Миранды, Клара. Рухнула на стул и зарыдала в голос.

Мы подорвались, забегали со стаканами воды и полотенцами и еле выцарапали новости: Миранду вчера ночью сбила машина, она в больнице. Бедная девочка совсем одна, дед старый и больной, дядя с Мирандой в ссоре.

Наташа распорядилась собрать денег и успокоить шефа, а меня послала с зареванным ребенком в больницу.

Миранда лежала на спине и не шевелилась: порвана связка в плече и трещина в тазовой кости. Пара месяцев лежачего режима.

Кларка то и дело плачет, Миранда стонет, мор и глад кругом. словно грозный ангел встал предо мной и взмахнул мечом (у них точно есть мечи?!) – без тебя они пропадут!

Пойду-ка я к ней жить на время.

Остаться переночевать у друзей – дурной тон, особенно молодой женщине: спать надо у себя дома или у родствен-

НИКОВ.

Неожиданно у Миранды оказалась великолепная квартира, похожая на драгоценную шкатулочку.

Пока мы осторожно укладывали Миранду на диван в гостиной, времени разглядывать не было, зато когда я рухнула в кресло и навела фокус, увидела чудесное и изящное, Версаль и Фонтенбло, все продумано и сделано тщательно и с любовью.

Мне казалось, что мать-одиночка должна жить очень скромно, а в наше смутное время и вовсе – на грани нищеты.

– Это мое приданое от родителей, – простионала Миранда, которая даже с переломанными костями в первую очередь не забудет похвастаться!

Мы с Кларкой будем спать во взрослой спальне, пока ее родная мать не выздоровеет; а я побуду в роли матери Терезы.

И заодно помечтаю о собственной квартире, пусть не такой безумно красивой, но своей.

Такое-то число такого-то месяца.

Миранда

Начались будни в роли сиделок.

Первый раз после катетера Миранда никак не могла написать сама. Мучилась страшно.

Поставили мы ей утку, вызывали рефлекс – то будто она

едет в автобусе и дико хочет «пи-пи», и тут шофер останавливает, она зайцем сигает в кусты, и – оооо, наконец-то облегчение! Или другой вариант – сидит на совещании, ужасно хочет в туалет и... далее по тексту.

Битый час изображали театр двух актрис!

Хоть тресни, ничего не получается.

– Надо самой, – нудит Кларка. – Иначе вообще разучится!

– Вот я сейчас точно взорвусь!

Решили катетером, пока она не лопнула.

Искали то место, откуда писают.

Не нашли!

– Мама, нету дырочки, – чуть не плачет Кларка.

– Блин, как же я писала всю свою жизнь?! – недоумевает Миранда.

– Тут есть, но другое. Я отсюда родилась! – деловито хмуря брови, исследует Клара сложный объект.

– Да вы с ума сошли! Машина не убила, вы меня доконаете! – Миранда уже всерьез страдает.

Извелись все трое, но катетер каким-то чудом засунули, и бедная пациентка счастливо освободилась; однако это компромисс – надо добиваться самостоятельного процесса без помощи приспособлений.

Единственное, чем она могла шевелить безболезненно, – левой рукой, все остальные части тела при малейшем движении беспощадно болели. Пришлось ухаживать за ней, как за настоящей тяжелобольной: ставить утку, кормить бульо-

ном с ложечки, расчесывать волосы, без конца поправлять подушки и ни на секунду не оставлять одну.

– Девочки, как бы мне помыться, а? – жалобно сказала как-то утром Миранда.

Мы с Кларой переглянулись.

Тащить больную через весь коридор в ванную – как?! Положить на кафельный пол и поливать из чайника?

– Надо мыть прямо тут, – придумала находчивая Кларка.

И закипела работа! Постелили на весь матрас огромный кусок целлофана, осторожно перекатывая стонущую Миранду, притащили ведро с горячей водой и тазик, раздели больную и принялись намыливать ее с двух сторон губками.

– Щекотно! Ах-ха-ха!

– Мама, не дрыгайся, – деловито шмыгала носом Кларка.

– А голову как мыть?!

Голова в самом деле была наиболее сложным этапом: волосы губками не промокнешь!

– Так, – осенило меня. – Бери ее и разворачивай!

– Стойте! – беспомощно выпучила глаза Миранда. – У меня в тазу трещина! Вы меня доломаете!

Скользя по мыльному целлофану, мы вдвоем мастерски развернули закоченевшую пациентку, как часовую стрелку, поменяв местами ноги и голову.

Бережно потянули за голову, чтобы та свисала над тазиком. И очень шустро вымыли длинные волосы, полоща их в мыльной воде, как половую тряпку!

Миранда лежала счастливая и умиротворенная, как тюлень, пока мы ополаскивали ее чистые скрипучие волосы из чайника.

– Дай вам Бог здоровья, девочки, – охала она, пока мы сушили ее полотенцами и кутали в чистое, как младенца.

Но на этом наше веселье не закончилось.

Такое-то число такого-то месяца.

Бордель

В очередной раз выкупав Миранду, расчесываем ей волосы и точим ласы, и вдруг слышим равномерный скрип с потолка.

Долгий, непрекращающийся, время от времени меняющийся ритм и скорость.

Кларка первая предположила, что это акт.

– Да иди ты, – не поверила я. – Откуда ты столько знаешь?!

Перешли в другую комнату – а там тоже скрип! Только в другом ритме.

Перешли в третью – там вообще кони скачут!

– Слушайте, там же бордель, наверное! – завизжала в восторге Кларка.

– Я давно это подозревала, – деловито отозвалась Миранда.

Мы с Кларкой стали перебегать из комнаты в комнату и делать ставки, кто быстрее завершит процесс.

Миранда так хохотала, что описалась без всякого катете-

ра.

– Вот и проблема решилась, – обрадовалась Кларка.

– Так вот что за девицы в подъезде шастают! – осенило меня.

Таким образом, разъяснились изредка попадавшие в подъезде странно одетые гражданки, не умевшие здороваться.

Через пару недель мы попали в историю: в один прекрасный вечер клиент верхних спяну ошибся этажом и постучал к нам.

– Это, наверное, Зойка хлеба принесла! – крикнула я и, не глядя, отперла дверь.

Ввалился пьяный мужик в черной турецкой дубленке и с самого порога увидел возлежашую одалиску.

Помытая Миранда в очках имела вид строгий и соблазнительный.

Клиент протянул к ней руку, споткнулся о ковер, напоролся ладонью на деталь дессау (я там всю мебель выучила) – колючую красивую фигню в форме пальмы, и гневно заорал, что «эти суки» хотят его убить!

Мы с Кларкой прозрели, вышли из столбняка и в четыре руки вытолкали его обратно на лестницу.

Клиент полночи бился в нашу дверь и требовал компенсации за ободранную руку и обманутые надежды.

Мы через дверь убеждали его, что бордель – этажом выше! Он не слушал и грозился сломать двери, а также изуро-

довать нас пальмой.

Миранда поправляла очки неработающей правой рукой, поддерживая ее левой под локоть, и перечисляла стоимость пальмы, дессау и ковра, а также требовала позвать «мамашу» сверху, чтобы та забрала своего клиента.

Следующие сутки мы провели как мыши в норке и никуда не высывали нос.

Господи, что это была за жизнь!!

В этом городе полно представительниц первой древнейшей профессии, и при этом основу общества составляют самые чопорные матроны с безупречной репутацией. Вы можете относиться только к одной из двух категорий: третьего не дано.

Такое-то число такого-то месяца.

Журналаюга

Вообще-то я еще и работаю!

Платят пачкой кофе и блоком вонючих папирос. Выменять на них можно разве что буханку хлеба. Недавно принесли к нам в отдел – кирпичик с запеченной внутри гайкой.

И что нам с этим делать? Писать обличительный материал? Тогда хлебные магазины внесут нас в черный список и мы умрем голодной смертью.

Или сделать на последней полосе рубрику «Ужасы нашего городка»?

Но самая главная часть моей работы – совсем в другом месте. Не так я представляла себе карьеру журналиста.

Уж очень я приглянулась важной шишке по кличке Леонсио: кусок сала в дорогом костюме. Каждую неделю дает интервью.

И не отвертись!

Кабинет гигантский, как аэродром, по нему раскидана роскошная мебель, среди которой Леонсио теряется, как изюмина в булке, и сучит коротенькими ножками, поминутно вызывая прислугу с разнообразными приказами.

– Кофе нам с журналисточкой!

Чтоб ты подавился, меня уже мутит от стольких кофе. С утра голодная, и сидеть тут дотемна.

Торчу у него в кабинете по полдня, пока он выпендривается и засоряет мне мозг, а напоследок дарит большую упаковку турецких макарон. Там много, двадцать четыре пачки. Рабское, униженное состояние, плюнуть бы на этого Леонсио и прибить сверху упаковкой. Но дома нечего жрать, говорю спасибо и уношу.

– Я тебя вижу по утрам, как в бассейн идешь, – плотно поблескивая глазками, утопленными в жире, сообщает Леонсио. – Такая ты стройная, прелесть!

Конечно, стройная. Надо его ознакомить с самой эффективной диетой: чай, хлеб, сыр, и так три раза в сутки. А в перерывах – чашечка кофе. Можно раз пять.

И очень много вонючих сигарет.

Я – как странствующий рыцарь: все свое ношу с собой в котомке. В любой момент могу заночевать где придется и нигде не забываю своих вещей. Каждая из них мне совершенно необходима, это магический набор, как в сказке: если тебя преследуют, кинешь за спину зеркало – и разольется река, бросишь гребень – вырастет частый лес, швырнешь кремень – и загудит пожар.

Я не я и жизнь как будто не моя. Чопорная девочка под вечным пристальным присмотром выросла в пилигрима, которого никто нигде не ждет. Если бы во время учебы мне показали, как я буду жить, сбежала бы со скоростью сайгака за тридевять земель.

– Ты небось замуж хочешь, да? – хихикает Леонсио. – А я вот жениться не хочу, мне нужна такая, знаешь ли, неприятельная девушка из простых! Ты непростая, да?! У тебя запросы?

Он наваливается на огромный, как футбольное поле, письменный стол и вполголоса добавляет:

– Могу подарить однокомнатную квартиру. Больше – никак!

Молча смотрю на него и представляю, как избиваю эту склизкую тушу железной палкой с крюками. Он визжит, истекает кровью, хрюкает и молит о пощаде. Когда-нибудь этот день наступит, я верю.

И ведь могла бы сейчас жить в Италии или учиться в аспирантуре, если б не была размазней. Попробовала убежать

отсюда — но не вышло.

Ли́ка закрыла блокнот, повернулась к приоткрытому окну и вспомнила день, когда в последний раз летала на самолете.

Бирюзовый зонтик

В последний Ли́кин приезд в соседний город С. рейс был вечерний, прилет примерно в семь, и до ночного поезда оставалась уйма времени — часа три.

Сухой теплый октябрь заканчивался, уже темнело, и сумерки отдавали фиолетовыми чернилами, размазанными в остатках яичного желтка.

Наверное, это было красиво, но в тот момент такой густой контрастный фон сразу дал ощущение нависающей тревоги.

Ли́ка путешествовала одна, как почти всегда, со своим битым чемоданчиком на колесах, в этот раз он был заполнен трофеями из польских магазинов Минска.

Никто ее не встречал и не провожал: она возвращалась нехотя, уехав на неделю под предлогом свадьбы подруги Маришки и застряв на месяц.

Дома ее ждали пожилые растерянные родители, деревенский дом и унижительная работа техническим секретарем в надувательской конторе на окраине курортного местечка. Исчерпав все возможности остаться в городе своего студенчества, с безумными друзьями и большими перспективами,

после десятка папиных телеграмм в динамике crescendo Лика все-таки возвращалась домой, поникшая, но несломленная.

Все планы были профуканы – раньше надо было думать про аспирантуру, а теперь уже все, год пропал.

Зато в числе несомненных приобретений был ярко-бирюзовый зонт-«винтовка» с изогнутой ручкой: он не влезал ни в одну сумку и мешал хозяйке как мог, привлекая внимание легкомысленным и слегка сумасшедшим видом.

Оглядевшись, Лика не увидела привычной радостно-возбужденной картины аэропорта. Было очень мало женщин, детей и стариков – мирной, уютной публики, среди которой можно расслабиться и глазеть по сторонам. В здании и вокруг него кружили напряженные небритые мужчины с упорными взглядами, которых Лика старательно избегала. Воздух был так наэлектризован, что, казалось, потрескивал.

Вокруг слышалась разная речь – любая, кроме родной. Лике нигде не было трудно сойти за свою, но сейчас она чувствовала себя как заяц в вольере, окруженном волками.

Не сказать что до сих пор Лика жила в мире розовых бантиков: во время ее путешествий в течение пяти лет студенчества встречались разные люди, но всегда было ощущение неуязвимости. Она шла, глядя всем в глаза, быстро находила какого-нибудь подходящего покровителя, укрытие в виде старушки, мамы с ребенком или мужчины вроде папы, и скользила, как серфер на волнах.

В этот раз с окружающего мира как будто содрали защитный слой.

Вокруг не было видно ни одного вероятного покровителя. Вообще ни одного. Подходили, вертя ключами, таксисты-частники, но вбитый мамой великий ужас перед ними заставлял лаконично и твердо отказывать и искать глазами якобы встречающих ее старших.

Автобус до города уже не ходил, и надо было как-то выбираться. Сесть в машину вместе с другими пассажирами, чтобы прикрыть спину? Она не решалась выйти из здания: все-таки тут были служащие, которые в случае чего могли защитить одинокую девушку.

А впереди еще хуже: вокзал и ночное путешествие. Срочно нужны свои, родные люди, поэтому Лика взяла монетки и с телефона-автомата позвонила Кристинке.

– Обара, ты тут?! – истошно завопила та, рядом с ней визжали ее сестры. – Езжай к нам! Останешься у нас, а утром тебя папа отвезет на автобус. Слышала меня?!

Лика выдохнула и уже гораздо увереннее пошла искать такси.

Выбрала чистую машину и водителя-соплеменника с бейджем на бардачке: показалось, что так безопаснее.

Он погрузил вещи в багажник, подчеркнуто галантно распахнул переднюю дверь, и это Лике не понравилось. Какой-то он был излишне суетливый.

Но пути назад не было, и она села. Сзади.

Предстоял довольно длинный путь до города – чужого города, с незнакомым мужчиной, Лика одна, и единственное оружие у нее – зонтик и слова, что на Дзержинского ее ждут родственники.

Путь из аэропорта сначала шел прямо, а потом делился надвое, и Лика очень хорошо знала, что в город – налево.

Водитель поминутно оглядывался и заботливо спрашивал, откуда она приехала, почему одна, куда едет. И ловко свернул направо.

– Куда вы едете? – сжимая вспотевшей ладонью ручку зонтика, спросила Лика, и глаза непроизвольно расширились, как будто она могла водителя напугать или загипнотизовать: она видела такое у кошек в момент опасности. Ей не хотелось показывать страх: это как с хищным зверем, пока его не боишься, есть шанс уйти целым.

А тем временем машина катила в неизвестном направлении – вокруг благоухающая южная зелень, придорожные ресторанчики, пустыри и ни единого человека.

– Ты же с дороги, проголодалась, поедем поужинаем, а потом я тебя отвезу куда хочешь, – поглядывая на пассажирку в зеркало, ответил водитель, и было совершенно очевидно, что с каждым метром она все больше отдаляется от ясной, понятной жизни, и ее везут во что-то темное и страшное, где не поможет никакой бирюзовый зонт.

От злости и страха внутри мгновенно образовалась стальная капсула, и Лика пошла в бой.

– Разверните машину сейчас же, – скрежещущим голосом скомандовала она, и льдом ее взгляда можно было заморозить дождик с неба, принявшийся накрапывать тем временем. – Меня ждут! И если через полчаса я не приеду, начнутся поиски. Развернитесь, я сказала!

Надежды было так мало, что секунда прошла на дне самого глубокого отчаяния; однако водитель проникся, для порядка вяло попрепирался с несговорчивой пассажиркой, но, видимо, все-таки капсула сработала – решил, что девка слишком хлопотная, и повернул обратно.

Всю дорогу ехали молча, Лика по-прежнему сжимала обеими руками прохладную твердую трость зонта, с облегчением узнавая окрестности, и чувствовала себя спасенной из лвиной пасти первой христианкой.

Однако дальше пошло не лучше.

Они долго кружили по микрорайону и не могли найти этот мираж. Лика выходила звонить со всех попавшихся телефонов-автоматов Кристинке – та трещала в трубку встревоженным голосом:

– Обара, папа вышел встречать! Забыла, что ли, наш балкон? Где больше всего белья висит. Оу, нет, сняла мама, дождь пошел. Девочка, ты гонишь?! Как не можешь найти? Ты же тут была!

Она помнила, как выглядит их двор, но он спрятался среди совершенно одинаковых домов и никак не давался.

Время шло, надо было что-то решать.

– Поехали на вокзал, может, успеем на поезд, – с искривленным от сдерживаемых слез лицом сказала Лика, и таксист молча двинулся дальше.

Девочки не виделись уже два года, и намечтанный уютный вечер в их доме – мама Белла наготовила вкусной мамалыги с аджикой и копченым сулугуни, весело мутузят друг друга сестры Гунда и Фатима, гордо задрав подбородок, сидит вторая по счету сестра – красавица Эсма, отдельно от всех насупился брат Аслан, а папа Жора, симпатяга, вылитый Будулай, спрашивает про Ликиного папу, передает ему привет, вспоминает, как они здорово тогда выпили и посидели в Минске, и потом они с Кристинкой хихикали бы допоздна в спальне и шептались до полуобморока, – этот вечер исчез и растаял.

Следующего вечера может и не быть никогда, что-то подсказывало Лике, что больше она в этот город не попадет.

В городе было неузнаваемо мрачно и безлюдно.

Поезд уже ушел, и водитель, видя потерянность Лики и готовность ночевать на вокзале, предложил ночной автобус.

Они успели как раз к отходу, свободных мест не было, но Лика так сильно хотела вырваться из этой тягучей каши, что встала в проходе вместе со своим зонтиком и даже помахала таксисту рукой на прощание.

Он заплатил за нее и ждал, сунув руки в карманы, пока автобус тронется. Она тут же забыла, как его зовут, – просто стерла с поверхности мозга.

Наконец все скрылось из глаз – и опасность, и разочарование, и сумрачный тихий город, впереди была долгая дорога в переполненном людьми пространстве.

Лику шатало и швыряло на поворотах то на одну сторону, то на другую, поэтому она встала на бортики и уцепилась за верхние поручни, несгибаемый зонтик вылезал из руки, цеплялся за шею и норовил проткнуть глаза соседям, она кинула было его на полку, но он и оттуда скатывался и стучал ее по голове, как будто сигнализировал – очнись, что-то необратимо кончилось, теперь все будет по-другому.

В креслах сидели молодые парни и делали вид, что дремлют. Они не предлагали никому уступить место, да что там – деревенская бабушка в калошах и свалявшемся пальто, которая везла на продажу орехи в потертой клеенчатой сумке, покорно стояла и даже не пыталась смотреть с укоризной на мальчиков, годившихся ей во внуки.

Что-то изменилось вокруг, в мире и в людях.

За окнами неслась крошечная ночь, все тело одревенело от постоянных усилий не упасть. Но все равно было тепло, спокойно, и Лика представила, что это эвакуация и всем удалось спастись.

Иногда одолевала дрема, и она проваливалась в сон на пару секунд.

Пока доехали до города, все пассажиры сошли, и Лика наконец ехала одна – сидя, лежа, задрав ноги, как угодно. Тепло постепенно отмякало, и ей уже даже было смешно, что

водитель жарко смотрел в зеркало и звал позавтракать шашлыками.

Впереди показался родной город, и вставало солнце, и все было жемчужного цвета, Лика просто покачала головой и отвернулась к стеклу.

Выйдя из автобуса, она вдохнула промытый ночным ливнем соленый воздух и победно взяла в руки зонтик, как трость: в самом дождливом городе этим никого не удивишь.

Красной Шапке удалось в этот раз убежать и обвести всех вокруг пальца. Но Красная Шапка на самом деле хотела не вернуться, а начать новую жизнь. А какая может быть новая жизнь в старом городе?! С которым ты уже попрощался и надеялся приехать сюда через много лет – на коне?»

У вас есть зонт, и даже не один (дожди).

У вас есть резиновые сапоги. Если сапоги в доме одни, то все члены семьи надевают их по очереди (дожди, наводнения).

Окна в вашем доме открываются наружу. Никакой логики, просто традиция (дожди, наводнения и штормы).

Отец Деметре

Шефиня Наташа определила Лике жилу для разработки: народ и религия.

– А можно я буду работать над темой наркоторговли? –

лихо выступила Лика.

Наташа побледнела и подбородком указала на «матюгальник».

– Нет, детка, – фальцетом пропела она, подмигивая, – такого в нашем благословенном краю нет! Так что принимай мирную отрасль и просвещай народ!

После развала страны люди внезапно рванули в храмы. В городке Б. всегда было в этом смысле интересно: две церкви, синагога, мечеть, никаких трений, все живут молясь каждый своему богу.

Однако самое чудесное здание – католический собор, – много лет занятое какой-то загадочной лабораторией мер и весов и недоступное для посторонних, по некотором размышлении отдали православным.

Внутри сделали ремонт и замазали старые фрески.

Католиков в городе раз-два и обчелся, однако ж пришлось разбираться с комиссией из Ватикана. Клятвенно пообещали построить новый католический храм, а тем временем запустили паству в отжатый собор, назначив туда приезжего священника.

Лика проводила с ним довольно много времени: молодой симпатичный протоиерей с мягким взглядом карих глаз терпеливо отвечал на все накопившиеся вопросы невежественной паствы.

– Батюшка, прихожане часто спрашивают: почему возле ворот церкви столько попрошаек?

Батюшка удивленно взмахивал густыми ресницами:

– А где же им быть?!

– Ну, женщинам неприятно – они приходят в храм помолиться, у них на душе благодать, и вдруг эти грязные крикливые нищие, тянут руки, вся молитва насмарку. Это не я так думаю, – добавляла Лика на всякий случай.

Батюшка тер глаза пальцами и вздыхал, глядя в свою кофейную чашку.

– Неприятно, значит, – задумчиво повторял он, вертя чашку в руках.

– Надо им как-то объяснить, – нерешительно напоминала Лика задачу, держа наготове блокнот и карандаш. Батюшка некоторое время смотрел в окно, потом поворачивался:

– Расскажу притчу о женщине, которая так сильно любила Бога, что постоянно умоляла Его прийти к ней в дом. И однажды Он приснился ей и сказал – приду к тебе третьего дня, будь готова.

Женщина в великой радости убрала дом, наготовила всевозможных яств и уселась на крыльце ждать дорогого гостя. Внезапно к ней подошел кривой, хромой и грязный нищий и попросил кусок хлеба. Женщина разгневалась и прогнала его. Однако Бога так и не дождалась.

Разочарованная пустым ожиданием, женщина в слезах спросила Господа – почему Ты не пришел? Ведь я ждала Тебя, и Ты обещал!

Он приснился ей снова и сказал: Я приходил, но ты не

узнала Меня. Тот нищий – был Я.

Торопливо дописывая каракулями рассказ, Лика тихо радовалась: конечно, их газетенку покупают, только чтобы узнать, кто умер и куда идти на похороны, а потом заворачивают в нее рыбу, однако кто-то же хоть от скуки прочитает и эту статью?

– Не жалуйся, – строго глядела поверх очков Наташа. – Я мечтала ходить в море и писать про разные страны, а сама пишу про ремонт крыш!

– Мы не можем хотя бы детективами разнообразить нашу газету? Я напишу!

Наташа прикладывала палец к губам, а потом показывала вверх. Все понятно – мы все под пятой у крошки Бабуина, правителя благословенного края.

Все же иногда размеренная кукольная жизнь прерывалась. После одного из таких событий Лика в ожидании гранок из типографии сидела одна в кабинете и писала в свой блокнот, как будто в тайной надежде, что когда-нибудь это прочитает Генрих.

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца.

Митинг

Утром я пришла на работу и стала, как обычно, развешивать купальник на оконных ручках. Окно нашего отдела выходит на крышу соседнего дома, поэтому мой купальник не

может вызвать никакого брожения умов, а мирно сохнет себе до следующего утра.

Правда, сегодня он попался на глаза редактору, когда тот в очередной раз встал с левой ноги и размашистым пинком отворил дверь нашего кабинета. Похожими на жучков-навозников глазами пронзительно осмотрел комнату, надеясь засечь шайку оппозиционеров-республиканцев, или какие-нибудь зашифрованные подрывные документы, или, на худой конец, запрещенное распитие кофе с сигаретами. Но все было чинно и благородно – сотрудники сидели на местах и работали. Редактор мог только догадываться, что курьерша нам сигнализировала о приближающейся облаве через окно – то самое, которое выходит на крышу и смотрит прямоком на другое редакционное окно, секретарское. При необходимости и желании я легко перебегаю из кабинета в секретарскую по красной черепице – вес-то жокейский. Необходимость возникает в случае конспиративных попоек в секретарской, хотя я понимаю, что дуракам закон не писан и этот бесплатный экстрим без восхищенной публики – пробегать по крыше в поддатом состоянии – может привести к пожизненной инвалидности.

Ну вот, попался редактору на глаза только злосчастный купальник. По этому поводу шеф набрал полную грудь воздуха и с ненавистью в звенящем голосе приказал его убрать – пришлось купальник перевешивать сохнуть на холодную батарею, прикрыв старыми газетами. Затем демонстративно

вышел прочь, оставив дверь открытой.

– Собирайся, – сказала спустя минуту напряженной тишины Наталья. – На площади митинг в защиту автономии, кроме тебя, никто не пойдет.

– Здрасте, – возмутилась я. – Я самый молодой сотрудник, мне еще замуж выходить и рожать, вся жизнь впереди. И вообще, политика – не мое направление.

– Да это на полчаса всего, час максимум. Ну давай уже, хватит в кабинете дурака валять, выходи на серьезный репортаж.

– Репортаж – это телевизионный жанр, – пробурчала я.

– И плащ накинь, – напомнила Натали. – Это все-таки тебе не интервью в кукольном театре!

Плащ составляет часть моей редакционной амуниции и всегда висит справа от двери, дожидаясь своего часа. Он легко и непринужденно превращает меня из легкомысленной девицы в мини-юбке в бесполого корреспондента, маскируя под стального цвета поверхность все гендерные признаки.

На площади я незаметно влилась в возбужденное море митингующих мужчин. Шестое чувство подтвердило, что эта песня вовсе не на полчаса и даже не на час, и к тому же желудок неприятно свело от явного отсутствия других женщин.

Согнанные из горных деревушек старики-мусульмане гневно потрясали клюками и грозились линчевать всякого, кто покусится на драгоценную автономию. Какая-то сволочь

напела им в уши, что автономию отнимут, бороды сбреют и ислам искоренят. Стало ясно, что сволочь эта существует во множественном числе и поработала над подготовкой заварушки не один месяц.

Подгоняемая репортерским азартом, я наострила письменные принадлежности и пошла напрямик в народную гущу. Рискну предположить, что народная гуща везде одинаково непредсказуема и опасна, но по какой-то никому не ведомой причине я точно так же полагала, что журналист во всем мире – персона неприкосновенная.

– Кто является организатором этого митинга? – Бодрым голосом ведущей Би-би-си я привлекла к себе внимание, на мгновение повисла тишина, и я ощутила себя Монсеррат Кабалье в час триумфа.

Сотни пар глаз обратились на меня, и аморфная ярость пресловутой народной гущи, доселе не имевшая адресата, вдруг увидела цель. Я только собралась выпалить длинный ряд не менее провокационных вопросов, на которые никто не ответил бы даже на пресс-конференции Генерального секретаря ООН, как ощутила себя... нет, не Монсеррат Кабалье, а полудохлым котенком в лапах у голодного медведя: меня сзади схватили за шкуру.

– А тебя кто прислал?! – зловеще спросила меня народная гуща, вся как один бородатая и свирепая, дыша ненавистью прямо в лицо.

Изображать представителя свободной прессы стало

неловко, потому что я висела в воздухе и болтала ножками. Находясь в эпицентре народного гнева, я не видела ни одного потенциального спасителя в радиусе километра.

Боже мой, подумала я, лучше бы упасть с редакционной крыши – там хоть мизерный шанс остаться в живых, а здесь от меня только ветер развеет клочки стального плаща.

– Это со мной, отпустите, – раздался вдруг твердый голос с небес, и моя шкурка стала предметом кратковременной борьбы.

Но народная гуща, как правило, труслива и внушаема, особенно если еще недостаточно разогрелась. Поэтому победил неизвестный супермен.

– Ты что, в Сан-Франциско находишься?! – оттащив меня на безопасное расстояние, прошипел едва знакомый дядя с телевидения, дай Бог ему здоровья. – Спрячь свой дурацкий блокнот и стой за камерой. Кто тебя такую прислал, в самом деле?

– Наташа, – выпучив глаза, честно ответила я.

– Редакция? – кивнул дядечка. – Они еще при Брежневеве живут, клянусь. Ты хоть им Расскажи, что здесь творится!

Шли часы, а на площади клубились народные массы, они волновались, кричали, требовали, угрожали, сменяли друг друга у микрофона, выплескивали в него потоки сознания, а коварный Бабуин наблюдал за ними из окошечка.

Мы с моим спасителем тихо фиксировали происходящее, стараясь слиться с колоннами и не привлекать ничьего вни-

мания. Хотелось пить, есть, курить и хотя бы присесть: от долгого топтания на месте гудели ноги.

– Когда уже можно уйти? – заныла я.

– Подожди, скоро что-то будет, – ответил бывалый телевизионщик. – Смотри, подкрепление пришло!

Видимо, Бабуин и в самом деле не просто так подглядывал из-за шторы: по его сценарию на площади появилась молодая поросль народной гущи, заботливо политая горячительными напитками. Эти явно были настроены гораздо решительнее стариков и без лишних разговоров двинулись громить совет министров – зрелище один в один напомнило шествие полчищ разъяренных зомби из голливудского ужастика.

– Где еще такое увидишь, – усмехнулся супермен, складывая штатив. – Хотя иди уже отсюда, становится опасно. Поняла меня?! Иди в редакцию! Или нет – лучше сразу домой!

Торча посреди клубящейся толпы чужеродным телом, я колебалась ровно три секунды.

Секунда первая – я погибну при исполнении репортерского долга.

Секунда вторая – никто не выплатит моим родственникам посмертную премию.

Секунда третья – черт возьми, как интересно-то, а?!

И я побежала вместе с полчищами зомби, как раз успев попасть под град камней и осколков. Озираясь по сторонам с восторгом идиота, я думала об одном: где этот пролетари-

ат нашел столько булыжников на центральной улице?? Когда увесистый кусок стекла, сверкнув, пролетел мимо моего виска, я была спасена снова – на этот раз бежавшим мимо городским плейбоем по кличке Бамболео.

– Побежали, побежали! – Он схватил меня и потащил на буксире: должно быть, мой вид в безразмерном плаще навевал ассоциации с городской дурочкой.

Сумасшедший свободен!

Под аккомпанемент звуков народного бунта, наступавшего мне на пятки, я прибежала в редакцию. Коллектив лениво собирался отчалить по домам.

– Наташа! – вскричала я и картинно прижала руки к груди. – Ты знаешь, что в городе творится?!

И в это время раздался взрыв.

Настоящий.

С улицы.

Инстинкт самосохранения пропал у всех разом, и мы кинулись к окнам смотреть на народный бунт – все-таки его не каждый день показывают.

Дым и гвалт шли со стороны телебашни.

– Какую умную вещь я сделала, – белыми губами прошептала Наталья, – что не пошла туда работать...

Подтверждая ее правоту, со звоном вылетели стекла. Пригнувшись, мы переползли в кабинеты.

– Интересно, попаду я завтра в бассейн или нет? – Я вдруг вспомнила про купальник.

Наталья и Миранда посмотрели на меня странными глазами и открыли рты для очередной душеспасительной тирады, как вдруг дверь с визгом распахнулась, грохнув ручкой о стенку. Посыпалась штукатурка.

На пороге стоял шеф.

– Кто сегодня был на площади? – гаркнул он.

Я поднялась с места.

– Репортаж начну уже сегодня, но...

– Это задание отменяется. О митинге буду писать я.

– Но вы же там не были, – смутные догадки зашевелились в моей голове.

– Молчать!! – Он гаркнул на порядок сильнее. – Вопросы не задавать! Никому ничего не рассказывать! Черт бы побрал эту работу!!

Мы потрясенно молчали, пока шеф не ушел. Когда шаги затихли в коридоре, Наталья поднялась, закрыла дверь и сказала шепотом:

– Жалко его, в самом деле.

На следующее утро купальник снова висел на оконных ручках.

За покупками вы выходите в том же, в чем бродили по дому: к чему формальности, если в этом городке шлепки и шорты – нормальная одежда.

Самолет

Интервью Лики с начальником аэропорта сложилось быстро и удачно: он оказался каким-то дальним знакомым дяди, быстро и четко надиктовал информацию для статьи, отнесся со всем уважением, угостил лимонадом и кофе и поинтересовался, где она училась.

— Хотела в аспирантуру, но здесь... нет для меня научного руководителя, — слегка приврала Лика.

— Не хочешь в Москву? У нас послезавтра хороший рейс, — предложил начальник. — Если хочешь, могу отправить. Потом с рейсами будет все хуже, народ ломится, видишь как. Все бегут куда подальше.

— Это было бы очень удачно, — вежливо согласилась Лика, стараясь, чтобы начальник не услышал бешеный стук ее сердца.

Уехать! Улететь! Начать новую жизнь! В большом городе, где ее никто не знает, и никому не быть обязанной.

Все уехали, а Лика осталась. Здесь нет ничего для нее: ни тепла, ни любви, ни дома. Она здесь только для спокойствия родителей.

А теперь — приоткрылась железная дверца, и оттуда потянуло вольным ветром.

Она взойдет по трапу и в последний раз обернется посмотреть на любимый город-предатель.

Будет лететь сквозь облака, грозы и дожди туда, где ее никто не ждет.

Там никто не будет беспокоиться, поздно ли она приходит ночевать.

Там никто не будет спрашивать, когда она выйдет замуж. Там нет ее дома – там ей все чужое, и поэтому будет легко. Она оторвется от этого замшелого городка, так болезненно любимого, равнодушного и любопытного, от его вязкого медленного времени, от бесконечных сонных дождей и покрытых плесенью стен, от бессовестных взглядов и убивающей жалости и улетит в просторное, продуваемое ветрами, огромное место, где ее никто не знает.

Конечно, там будет трудно на первых порах, но неужели труднее, чем здесь?

Не надо будет каждые выходные ездить в деревню и утешать маму, слушая ее причитания, что никто уже на Лике не женится.

Не надо будет работать просто затем, чтобы на вопрос «Ты работаешь?» отвечать – «Да».

Лика готова мыть лестницы, выгуливать собак и укладывать чужих детей спать – но только чтобы за это платили.

И она не хочет всю жизнь делать интервью с какими-то скучными обормотами, которые никто не читает, а завораживают в них копченую скумбрию.

Мамочка и папочка, вы немного понервничаете и перестанете, потому что здесь я просто умру.

Полевой чемоданчик вместил в себя хаос и со скрипом закрылся.

Теперь надо было как-то незаметно его вынести. До назначенного времени оставалось меньше часа – как раз хватит на дорогу в аэропорт. Лику будет видно всем во дворе, но уже все равно: письмо написано и лежит в хлебнице.

Она выглянула во двор: надо как-то хитро выйти через черный вход, а то вон соседка Заира сидит на скамеечке с ребенком, задержит, как пить дать задержит.

Сердце опять забилося в горле, ладони заскользили.

– Спокойно, спокойно, – громко сказала она в пустоту. – Сейчас или никогда. Они прекрасно справятся и без меня. Сейчас или никогда.

Стараясь ступать как обычно – как будто идет снова по делам, подумаешь, с чемоданом – это вещи на переделку портнихе тетя Шуре, она сказала сегодня принести, завтра новые заказы будут, – Лика вышла из квартиры и, подумав, пошла к лифту.

Кнопки все были продавленные и опаленные, пахло – ну чем пахнет в старых лифтах.

Как раз из лифта пойду через черный ход, а там поймаю такси – и стрелой до аэропорта.

– Ну, с Богом, – нажала Лика кнопку со стершейся цифрой «1».

Лифт подумал, сердито крякнул, нехотя закрыл двери,

дернулся и пошел вниз.

Вот как раз сейчас он и накроется, истерически-весело подумала Лика – она уже летела, летела в самолете, и земля уходила все дальше и дальше вниз, пассажиры сидели в три ряда, и стояли, держась за поручни, как в троллейбусе, и двигатели гремели так страшно и оглушительно, потому что перевес, и живот свело, и вскоре покажется море, похожее сверху на тарелку остывающей виноградной каши, и надолго уйдет с глаз долой, его застыт облака.

И все пойдет по-другому.

Будет другая жизнь.

И тут погас свет.

Лифт дернулся и замер между этажами.

Тьма подступила вплотную к глазам и гуще задышала тем, чем пахнет только в лифтах.

Лика постояла немного, не веря, что это происходит в самом деле.

Чемоданчик мешал открыть дверцы, но и без него они что-то не поддавались.

Может, это не авария, подумала она с тоской.

Может, дадут ток через пять минут, так бывает.

Время пошло с такой скоростью, что мысли отставали.

– Эй, кто-нибудь, – громко позвала Лика.

Плевать, что Заира увидит, главное – выйти, а там побегу, и пусть делают что хотят.

Никто не отзывался.

Лика забарабанила в дверцы. Стала громко звать – глухо. А начальник там ждет, держит для меня место и думает, что меня волки съели.

Вот дура, а.

Пошла бы по лестнице.

Подумаешь, увидят, спросят – да пусть хоть сто раз спросят.

Дура.

Дура.

Пальцы болели от напряжения, но дверцы не поддавались, никак.

Времени прошло столько, что Лика успела поседеть и состариться, и все на свете времена года сменились по сто раз, и самолеты все улетели и прилетели снова, и родились дети, и прошли штормы, а она все стояла в темноте, пропахшей глупостью и обидой, и не хотела расставаться со своей последней надеждой на другую жизнь.

– Ээээээй! – внезапно отозвался кто-то.

– Лика! Ты где?! Зачем тебя туда занесло, Господи, секунду потерпи!

Торопливые шаги унеслись наверх по лестнице и затихли.

Сколько еще осталось, думала она, не успею, не успею, не будет он меня ждать, а может – успею.

Буду бежать и успею. Ну быстрее, вы, давайте уже шевелитесь.

Резко загорелся свет, лифт вздрогнул и пошел вниз. Бук-

важно на метр – к этажу, до которого не доехал раньше.

Дверцы открылись.

– Ну как ты? – с круглыми глазами заглянула Заира. – Господи Боже ты мой, я ребенка укачала, он в коляске уснул во дворе. Не задохнулась? Ну когда это ты по лифтам каталась?! И чтоб так угораздило – именно сегодня Гурген проводку чинит, вырубил свет во всем доме.

– Сначала не надо посмотреть, есть кто-то в лифте или нет? – Выйдя наружу, Лика сощурилась от резкого солнца.

И тут высоко в небе зазвучал вязкий гул улетавшего самолета.

Он густел, заполняя пространство, дрожа внутри головы, подбрасывая сердце, обрушил небо на голову и медленно-медленно затих вдалеке.

– А ты куда шла-то? С сумкой. Ты же только пришла. А? – высматривая подозрительное в Ликином лице, спросила Заира.

– Никуда, – сказала Лика ровным голосом. – К портнихе. Завтра пойду.

Осталось только успеть достать письмо из хлебницы.

Живя в городе Б., вы умеете извлекать радость из всего, что дарит вам жизнь. И, даже если она вам ничего не дарит, вы думаете, что так все равно лучше.

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца.

Сон про детство

Над деревней все лето гудели самолеты.

Они оставляли в небе четкий белый след, гул нарастал и перекашивался, приводя в ужас всю живность.

Я зажимала уши и запрокидывала голову, представляя маленького человечка в крошечном самолетике.

– А я тоже хочу полететь!

– Зачем они Бога беспокоят, – ворчала бабушка. – Ходили бы по земле, ироды. Им тут мало дел?!

Бабушка целыми днями сновала по нашему королевству, ругала меня за валяние с книжкой и давала распоряжения:

– Посуду помой!

Я послушно вставала к раковине.

Раковина под навесом, перед ним растут розовые кусты, бродит наседка с цыплятами и учит их разгребать лапками землю – красиво так, по-балетному, ножкой вперед, круговое движение, наклон головы, смотрит одним глазом и сердито клокочет, дети ее, бестолковые желтые пищалки, не хотят учиться, лезут к ней под ноги, чтобы спрятаться и согреться.

Так, посуда же.

Открываю кран, намыливаю кусок рыбацкой сетки хозяйственным мылом, беру тарелку.

Столбик воды из крана попал в ложку и развернулся веером.

Солнце немедленно запустило в него палец, водяной веер расцвел радугой.

Трогаю мягкий водяной поток, представляю, какие тут можно сделать фонтаны: поставить во дворе бочку, в нее трубу с вертикальной струей, к верхушке приварить распределитель на шесть полос, и чтобы вода падала в ложки.

И будет целая радужная феерия!

– Ты что тут делаешь, ротозейка?! – внезапно возникает за плечом бабушка в соломенной шляпе, она сейчас похожа на Дон Кихота, только очень сердитого: ветряные мельницы опять завладели ее внучкой.

– Сейчас! Сейчас-сейчас, все уже! – Сердце упало в живот и прыгает там, как на батуте.

– Приду через пять минут, чтобы все закончила. Потом иди полы мыть! Наследила, раззява, хватит котят приبلудных домой таскать...

Ее голос постепенно снижает громкость, но все равно слышен.

Быстренько заканчиваю с посудой, иду мыть пол.

Тут тоже не все просто.

На крашеном дощатом полу очень легко разделить мокрые сегменты и сухие, и сделать лабиринт: доски широкие, можно шагать в ниточку и не ступать на вражеский сегмент.

– Ты по мокрому босыми ногами ходишь?! – Бабушкина голова в окне: того и гляди влетит и откусит мне ухо.

– Не, ба, все, заканчиваю уже!

– Кто тебя замуж возьмет, одно дело довести до ума не можешь, в два счета заканчивай и иди, я тебя муку просеивать научу!

О, это интересно.

Быстренько выжимаю тряпку, развешиваю на заборе, чисто-чисто мою руки, как хирург, – не забыть потом мыльных пузырей наделать – и иду в кухню.

На столе – чистая льняная скатерть, насыпана высокая белая гора кукурузной муки, стоит огромная эмалированная миска, в ней – старенькое сито.

– Смотри: берешь совочек, насыпаешь муки в сито, потом двумя руками делаешь вот так – видишь, сыплется снизу?

Смотрю под сито – оттуда белая пурга, снежинки идут густо, ритмично, ровными ниточками, мука ложится горкой, я подставляю ладонь – снег этот нехолодный, пушистый и нежный.

– Куда-а-а?! Бери сито, пустоголовая!

Беру сито, насыпаю муки, мерно качаю его и заворуженно смотрю на снег.

Просеянная мука лежит идеальным конусом, нетронутая, как никем не покоренная гора.

Как же добраться до вершины?

Сначала надо дойти до подножия, а потом сделать тропинку.

Вот медленно и терпеливо человек протаптывает спиральную дорогу вокруг горы, над ним летают хищные пти-

цы, у них на вершине гнезда, они бросаются на непрошеного гостя, бока горы взрыхлились, человек срочно роет себе пещеру, а путь продолжит ночью. Но гора коварно осыпается и запирает человека в западне. Кто же его спасет?

А можно сделать город.

Вот площадь. Вот домики. Это северный город изо льда, и у людей тут нет машин, а есть ездовые собаки. Вот тропка для них, чтобы им было легко тянуть сани.

Нет, пожалуй, лучше всего сделать посередине пропасть. Было землетрясение, и земля треснула пополам.

А еще лучше – пустыня.

– Ты когда поумнеешь, дуреха? Это же еда!

Руки сами собой засыпали города, пустыни, яранги, собак и хищных птиц.

– Испугалась, что ли? – Бабушка внимательно посмотрела на меня, сняла шляпу, вытерла лицо.

– Иди, молитву прочитаю. Чего пугаться, играй сколько хочешь.

Приникла к моему сердцу и забормотала:

Сердце, сердце, иди домой, домой,

Сердце, сердце, что тебя напугало?

Сердце, сердце, иди домой, домой,

Сердце – женщина или мужчина?

Сердце, иди домой, домой,

Сердце – ребенок или взрослый?

Сердце, иди домой, домой,

Сердце – человек или собака?

Сердце, иди домой, домой,

Сердце – темнота или шум?

Сердце, иди домой, домой...

Сердце забиралось под теплые крылышки наседки, выглядывало оттуда и вертело головой – что, съели? Ничего не страшно, сердце дома, дома.

Мне снилось, что я выросла и улетаю по чистому небу в крошечном самолетике – далеко, очень далеко.

Любовь Миранды

Жить с Мирандой оказалось весело и интересно.

Она, уже очень давно разведенная мать-одиночка, любила некоего молодого матроса, не здешнего. Любила она его активно, ездила на судно встречать из рейса, как законная супруга, но тем не менее жениться он не спешил.

Клара же его ненавидела со страшной силой: ходить на судно, будучи не женой, а подружкой – это чистой воды непотребство. Она была очень самолюбивая и чопорная, умнее своей матери раз в сто и старше ее лет на двадцать – не годами, а зрелостью.

Она нашла в Лике благодарную слушательницу, потому что Миранда пару раз отделала ее за искренние слова в сторону матроса и его планов относительно женитьбы.

Мать была зациклена на матросе, как одинокий космонавт на планете Земля.

Ли́ка даже не была уверена, что Миранда его в самом деле любит – скорее, твердо уверена, что если не выйдет за него замуж, то все, жизни хана.

А он все не женился.

Миранда не останавливалась ни перед чем: ездила даже в его родное украинское село. Познакомилась с родителями, ходила с ним по дискотекам.

Купила однокомнатную квартиру в Одессе, чтобы создать ему все условия – типа, н-н-у-у-у? Видишь, какая я завидная невеста? С приданым!

А он все не мычал и не телился. А кругом столько хищных девиц, глаз да глаз нужен!

А как за ним уследишь? То он в рейсе, то в селе. Поди знай, какая восемнадцатилетняя фря его окучивает!

И Миранда придумала способ слежки: каждый день по три раза она ходила гадать на кофе к своей крестной, айсор-ке Амалии.

Каким образом язычница могла крестить православную?! Непостижимые вещи творились в жизни Миранды.

Утром она забежала к гадалке до работы, в полдень пила кофе в редакции, переворачивала и сушила чашку, запаковывала ее в салфетку и бережно несла на расшифровку, а после работы – вечерний сеанс ясновидения.

Взяла как-то раз с собой Лику.

Одноглазая Амалия жила в такой халупе, что гости боялись сесть. Кофе Лика деликатно отодвинула, придумав тахикардию.

Кто-то спал на кушетке под выдавшим виды покрывалом, и вообще гостей явно не ждали.

Гадалка взяла чашку, заглянула в нее:

– Сейчас он входит в стеклянные двери... казенное здание... сидит лысый мужик... сдает документы...

Миранда нервно поправляла очки и напряженно слушала.

– А женщин там нет?

– Нет, – вглядывалась в засохшие разводы Амалия. – Тетки старые. Ничего страшного.

– А потом куда пойдет? – изнывала Миранда. – Вечером?

– Вот вечером и посмотрим, – легко ответила гадалка и преувеличенно осторожно вернула чашку – чтобы клиентка не заподозрила в мошенничестве и утаивании фактов.

Если бы Лика не видела это собственными глазами, то решила бы, что Миранда наконец-то благополучно чокнулась.

– Пошли? – подергала она подругу за рукав.

– Секунду, – отмахнулась Миранда и повертела чашку в руках, шепотом уточняя детали.

В это время на кушетке завозились, и оттуда высунулся кто-то чернявый.

– Это мой сын, не пугайся, – бросила Амалия, заметив Ликин встревоженный вид.

На следующий день Миранда сообщила, что Рамин влю-

бился в Лику и просит свидания.

Это был удар ниже пояса!

Лица плакала и смеялась: если бы Генрих увидел, какие у нее сейчас поклонники! Ниже падать некуда.

Все ее мысли днем и ночью были полны тайной тоской по тому, кто к ней не спешил.

Никто не должен знать, что творится с ней, и будь что будет – и в этой странно повернувшейся жизни есть повод поселиться.

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца.

Гадание

Городок наш, помимо всего прочего, знаменит своими гадалками.

Гадание на кофе – естественное продолжение кофепития, и этим ремеслом владеет любая мало-мальски уважающая себя жительница города. То-то я удивлялась в прежние мирные времена, почему на отдыхе в любой другой части страны к нам подобострастно клеились столичные жительницы, выстраиваясь в очередь с кофейными чашками в засохших разводах недельной давности: «Вы только одним глазком гляньте: это же уникальная чашка, такие узоры – просто загляденье! Скажите, что вы там видите?..»

Мы глядели и видели медведей, гепардов, павлинов и тюленей, о чем честно и сообщали, а вопрос расшифровки зна-

ков судьбы великодушно оставляли самым страждущим.

Но есть и профессиональные гадалки. Это совершенно нормальная профессия, почетная и уважаемая, и иметь собственную гадалку наряду с парикмахером и сапожником – хороший тон. Основной контингент клиентуры – само собой, женщины.

Девушки на выданье от шестнадцати до шестидесяти ходят к гадалкам и допытываются, когда же прекрасный принц (или, на худой конец, таможенник) пинком откроет дверь девичьей светелки и заберет оную девицу наконец к чертовой матери в вожденную замужнюю жизнь.

Замужние же матроны ждут, что им откроют, кто же та стерва, которая вьется возле мужа и пытается его оттяпать у законной владелицы, и какое ей подсыпать хитрое снадобье, чтобы отбить охоту зариться на чужое добро, но при этом и самой в тюрьму не загреметь. Матроны постарше совещаются с гадалками, как наладить жизнь повзрослевших детей – женить, выдать замуж, устроить в институт, а потом и на работу.

Но и мужчины не гнушаются советом хорошей гадалки – обычно это касается поисков украденного имущества, и, между прочим, известны превосходные результаты.

Долгое время мне было плевать на правила хорошего тона, и институт гадалок я громко клеймила как мракобесие и дремучесть. Но сейчас, во время правления Великого Бабуина, все милые мальчики куда-то делись – часть ушла на

тот свет от передозировки, часть сидит в тюрьме, оставшиеся уехали в неизвестном направлении, и половозрелым девицам вроде меня и моих подруг не с кем даже флиртовать, не говоря о матримониальных планах.

И тогда я решила взяться за гадалок всерьез: нельзя же позволить первой попавшейся самоучке заглядывать в мое будущее! Агенты приносили сведения о самых известных и потрясших основы материализма звездах провидческого ремесла.

– Амалия, 46 лет, айсорка. Гадает на кофе. Помогла вернуть ушедших мужчин шести женщинам!

А-а-а, та самая Амалия! Ну, с ней я уже разобралась.

– Феридэ, 27 лет, происхождение неизвестно, утверждает, что бабушка аджарка, гадает на кофе и на картах одновременно. О прошлом говорит всю правду, статистика будущего неизвестна.

Зачем мне слушать о том, что я и так знаю?!

– Сиран, 74 года, армянка, гадает на кофе древним греческим способом.

А есть новогреческий способ?

– Есть одна ясновидящая в деревне Т., – поступили сводки из отдаленных районов. – Она спит летаргическим сном уже три года, но во сне говорит всю правду.

– Аферистка и лентяйка, – выдала я диагноз и продолжила поиски.

– Давид Исаевич, карлик, алкоголик, интеллектлуал. Гада-

ет бесплатно, из любви к искусству, на картах Таро, вырезанных из журнала «Наука и религия».

Это слишком экзотично.

Когда надежда начала сочиться обмелевшей струйкой, на лестнице мне попалась Ирма – коллега-журналистка из дружественной редакции.

– В пригороде живет Аннушка, – вытаращив глаза, полупшепотом сообщила она мне. – Я статью буду про нее делать, накатай потом переводной вариант в вашу газету.

Вцепившись мертвой хваткой в Ирму, я узнала следующее.

Аннушка, армянка, 60 лет, не разговаривала и не ела ничего, кроме молока, до трех лет. Потом заговорила, и все сплошь и рядом ясно видела: где папа продул деньги из дочкиного приданого, с кем разговаривала ночью через подоконник старшая сестра и к кому на самом деле ездит в Сочи дядя Размик. Семья уверовала в ее дар и постаралась развить его до размеров бизнес-плана. Теперь у Аннушки, после многих лет неустанного труда на ниве ясновидения, есть двухэтажный дом, и попасть к ней крайне сложно.

Господа! Ну что вы, в самом деле? Я даже с вором в законе интервью делала, а уж попасть к Аннушке – дело двух минут.

Главное в решении проблемы – говорить о ней всем подряд.

«Принцип домино» – и вот уже наша соседка Зойка оказалась близкой знакомой Аннушки и пообещала уладить во-

прос с аудиенцией, вдобавок дала подробнейшие инструкции, нарушив которые можно отправить все гадание коту под хвост.

Внимательно слушаем и записываем.

Во-первых, Аннушка гадает на ногте большого пальца руки. Своего, разумеется.

Лучше бы Зоя этого не говорила, потому что меня с подругой пришлось отливать из пожарного шланга: а чего на ногте руки, на ноге же экранчик побольше!

Во-вторых, Аннушка гадает только после нескольких дней ясной погоды. В пасмурную погоду она не может ловить сигналы из космоса – идут помехи. На этом месте соседи стали стучать в пол шваброй и грозиться вызвать охрану Бабуина.

Во-третьих, она гадает только натошак, начиная затемно, с пяти, и заканчивая в одиннадцать часов утра, потом ей необходимо поесть, поэтому в очередь надо стать чуть ли не с ночи. Тут мы немного пришли в себя, вытерли слезы и переглянулись: ехать в пять утра в пригород двум девицам – это уже не безобидная авантюра, а изощренное самоубийство.

В-четвертых, клиент тоже должен быть голодный.

– Я вам сообщу день, когда поехать к Аннушке, – наставляла нас Зоя. – Вы только не опаздывайте, не перебивайте ее, а когда зайдете, скажете: «Мы от Зои».

Стараясь собрать остатки здравого смысла, я все-таки спросила:

– Слушай, а тебе она что-нибудь дельное нагадала?

– Помогла нам с мужем найти угнанную машину, – ответила Зоя и поджала губы: кто посмел сомневаться?!

После такого не пойти к Аннушке было просто неуважительно.

В день икс мы с Басей, дрожа от холода, вышли на улицу ловить такси. Таксист искоса глянул на наши опухшие физиономии и вызывающую одежду. Пришлось всю дорогу расписывать, к какой потрясающей ясновидящей мы едем. Он молча высадил нас возле дома Аннушки, не взял денег и поспешно газанул не оглядываясь.

Очередь уже стояла, и весьма приличная. Церемонно поздоровавшись с взыскующими пеленгующего космические сигналы Аннушкиного ясновидения, мы встали возле стенки и стали похожи на похмельных голливудских звезд в очереди за благотворительным супом для бездомных.

– М-да, зря я белое пальто надела, – промычала я сквозь зубы. Однако природная болтливость и неумение стоять неподвижно вынудили меня завязать разговор с другими соискателями.

Они очень оживились и наплели мне восемь бочек арестантов про чудесные предсказания. Я же невольно сопоставляла рассказы об удивительных знаках судьбы с очевидными фактами: все постоянные клиенты выглядели примерно как пациенты местной психбольницы во время ремиссии.

Пожалуй, надо было отсюда немедленно делать ноги.

– Кто от Зои? – выглянула вдруг ассистентка, заставив нас вздрогнуть от неожиданности. Мы с Басей примерзли к полу, как застуканные с поличным воришки, и стеснительно прошли в заветную дверь.

Знаменитая Аннушка была типичной армянской старушкой в склеенных скотчем очках на бельевой резинке. Она мельком глянула на нас и продолжила смотреть в ноготь.

Первой села на стул я.

– Чириз шес мэсэцэв в горад приедэт балшой челавек, – скучным голосом начала Аннушка. – Он очен старше на тибе. Очен високи ступен. Будиш баянца. Будут дакуминтальный труднасци, но паможит другой челавек, старый, пажиллой. Ты на четвертам ступени виидеш замуж на балшой челавек, сначала дэци не будит, патом будит – малчики близнец и дэвочка адын.

Растерявшись, я хотела переспросить, что значит «дакуминтальный труднасци», но ассистентка зыркнула на меня, и я заткнулась. Вскоре стало ясно, что я все равно ничего не понимаю. Аннушка монотонно зудела про какую-то поездку за границу и опять про эти чертовы трудности, про каких-то людей и дурные глаза... Я слегка закемарила и чуть не свалилась со стула.

Бася сменила меня на пыточном аппарате, и мы выслушали что-то, воля ваша, совсем уж несусветное – про иностранца на воздушном шаре с документальными трудностями.

На обратном пути мы с Басей уже не могли хохотать: во-

первых, на ветер была выброшена чертова уйма денег. Во-вторых, Аннушка говорила на языке, которого мы не понимали, а это совсем не смешно. В-третьих, мы попросту были голодны как звери.

– Ну хоть бы что-то одно отгадала, аферистка старая! – в сердцах воскликнула Бася, которой до слез было жалко денег, позаимствованных из сестриных сбережений.

– А ты в курсе, что она увидела в своем экранчике мужа с любовницей, прокляла его, он свалился с лестницы и теперь инвалид?

Бася побледнела и перекрестилась, хоть и убежденная атеистка.

Процентов семьдесят местных женщин умеют гадать на кофе, а чаще – делают вид. Город разделен на две враждующие половины: одна пьет кофе по старинке, с пенкой, вторая, поддавшись новым веяниям, изничтожает пенку на корню.

Война

В стране началась война.

Но владений Бабуина она, к счастью, не коснулась.

Бабуин – феодал и тиран, об этом шепчутся все здравомыслящие люди в городе, но одной большой заслуги у него не отнять: он не пустил сюда бандитов, уже пролетевших над остальной страной калечащим смерчем.

С ходу и не скажешь, хорошо это или плохо: с одной стороны – сепаратизм, с другой – безопасность.

Оправдалась тягучая тревога, которой был полон воздух в тот самый последний Ликин приезд в город С., – тлеющий уголек вспыхнул.

Кругом все были взбудоражены, мужчины рвались воевать, матери, жены, сестры и дочери вцеплялись в них и не отпускали.

– Ты могла себе представить когда-нибудь, что при нашей жизни случится война? – спросила Миранда, расчесывая свои русалочки волосы.

– Война? Я много чего не могла себе представить.

– Например?

– Список очень длинный, – усмехнулась Лика. – Я была благополучная девочка из уважаемой семьи. Сейчас я нищая бездомная журналистка, которой запросто можно предложить стать любовницей, и никто за это даже морду не набьет.

– Но ты же не соглашаешься, – возразила Миранда и перехватила волосы резинкой, от чего ее лицо сразу стало моложе и суровее. – Самое главное – чтобы ты не изменила себе, за остальных ты не отвечаешь.

– Эх, Мира, – вздохнула Лика, откидываясь на стуле и выпуская дым. – Если бы я знала, кто я такая, чтобы не изменять себе. Всю жизнь меня попрекали тем, что я лишений не знала. И что теперь?

– А что теперь?

– А то, что я не готова. Не готова к этим проклятым лишениям. Они оказались слишком унижительны.

– Я не думаю об этом, у меня ребенок. Причитать бесполезно, надо выживать.

– А самое страшное знаешь что? – Лика посмотрела на Миранду в упор. – Они тоже оказались не готовы. Старшие. Взрослые. Опытные и искушенные. А виновата я одна.

– В чем виновата? – не поняла Миранда.

– В том, что я слишком послушная дочь, – рассердилась Лика. – Я даже не успела понять, когда все потеряла! В один момент не стало ничего, вообще ничего. И кто виноват? Конечно, я сама.

– Ты слишком драматизируешь, – снисходительно бросила Миранда.

– Сначала у меня отняли мое прекрасное будущее. Потом дом, потом семью, друзей, защиту. А сейчас еще и война! Эта война отняла у меня подругу Кристину, и теперь мы по разные стороны. Мне больше не с кем вспоминать студенческие годы, попугая Гошу, которого она снимала с карниза, мне никто не расскажет сагу о прекрасной соседке Мадине, и я не смогу приехать к ним домой, а она не сможет приехать ко мне. Конечно, это пустяки.

– Ладно, не ной, – Миранда пальцем вздернула очки на носу. – Ты же не одна такая. Главное, не иди ни к кому в любовницы, а кофе я тебе всегда налью. В следующий раз

привезу классные штаны, идет?

Случайный букет

– Смотри, что тебе принесли, – еле удерживая губы и сверкая глазами, входит машинистка Оля. В руках у нее – огромный розовый букет.

– О-о-о-о, – хором вздыхают тетки в кабинете. – Что значит – молодая! На выданье!

– А кто приходил? – ошарашенно строит догадки Лика: вроде не было у нее никаких таких знакомых.

– Сказал, его зовут Лаша, и передал спасибо!

Лика уставилась на букет: разбудите меня, я сплю.

Или отвезите в дурку.

Кто такой Лаша?! Кого я знаю с таким именем, да еще и способного подарить розы?! И главное – «спасибо»! За что?

Пошла к Оле разъяснять вопрос:

– А как он выглядел?

Бледная немочь Оля стучит по клавишам с видом оскорбленной добродетели – Лика ее, судя по лицу, разочаровала. Девушке принесли цветы и «спасибо», а она даже не помнит кто!

– Оля, – взмолилась Лика. – Клянусь мамой, нет у меня таких знакомых. Может, розыгрыш? Подруги у меня, знаешь ли, девочки добрые и с юмором, могли и подшутить.

Такая версия растопила Олино сердце: ну, раз никакого

поклонника нет, а только фикция, тогда не стыдно.

– Высокий, светленький, симпатичный, – старательно перечисляет она. – Правда, лет на десять – пятнадцать взрослее тебя выглядел.

– Как одет был? – без надежды на успех схватила Лика за последнюю соломинку.

– Куртка джинсовая, очень модная, – загорелись глаза у Оли, которой вечно не хватает денег на шмотки сыну.

Куртка. Джинсовая. Светлые волосы. Взрослый.

Стоп!

А не этот ли чувак подвез ее недавно домой? Правда, Лика не помнила, как его звали: каждый раз так боялась, что потом память стирала все подробности.

Возвращаться домой поздней ночью пешком стало ее почти еженощным подвигом.

Она шла по пустой темной улице, цоканье каблучков гулко отдавалось и прокатывалось вдаль, каждая тень обещала маньяка, каждый звук – напрягал до судорог. Держала напряженную спину, шаг стремительный: пока маньяк соберется с мыслями, ее уже – фьюить! – и нету.

Лика шла пешком, потому что общественный транспорт в такое время уже не ходит. Такси исчезли как класс, есть попутки, но это еще страшнее – чистая лотерея, мало ли кто попадется, села в машину, и все, ты во власти незнакомца. Когда идешь пешком, хотя бы можно убежать или поднять крик – но кто тут выглянет в такое время!

Иногда увязывался какой-нибудь полуночник, бедовый парнишка на районе, – эти неопасные, с ними нужно сразу дружелюбно, но строго, у них сохранился пиетет к честным трудящимся девушкам.

Но чаще всего в этом городе треклятые ливни, в любое время года, и под ними не походишь. Как же Лика любила когда-то дожди, чтоб их черти взяли!

А сейчас – либо потонешь, либо воспаление легких подхватишь. И страшнее в сто раз, потому что никто не увидит и не услышит, если тебя схватит маньяк и ты начнешь кричать.

И в такое наводнение Лика остановила машину. На вид водитель был вполне приятный человек, неопасный, с открытым взглядом, да и в самом деле таким оказался.

Всю дорогу мило флиртовал, выпрашивал, где Лика работает, почему так поздно идет домой, почему ее никто не провожает и не встречает, в общем – проявил участие без всяких задних мыслей.

Заронилось горчичное зернышко надежды: а вдруг будет продолжение? Симпатичный, выглядит превосходно, машина есть. Вон цветы принес зачем-то – Лика сдуру сказала, где работает. Напрягла память и вспомнила его фамилию, пошла к Наташе выведывать досье: та всегда все знает.

– Этот Лаша женат уже сто лет, – вылила на Ликины надежды ведро ледяной воды Наташа, она сурова и не церемонится с обманщиками. – Двое детей. Старшему вообще шестнадцать. Бабник страшный, как и его престарелый па-

паша.

– И что? Выкинуть цветы? – обескураженно спросила Лика.

– Почему выкинуть, цветы пусть стоят, – рассудила Наташа. – А его самого – в жопу.

– Это само собой, – поддакнула Лика, думая про себя уже совсем нехорошее.

Неужели я так жалко выгляжу, что на меня ведутся женатки?

И что же делать, чтобы не шастать в опасное время одной?!

В этом городе вы хотя бы раз подвозили попутчиков бесплатно, если водите машину, и хотя бы раз сами были таким пассажиром.

Следы на снегу

– Почему все так по-идиотски? – возмущалась Лика, сидя вечером за ритуальным кофепитием. – Генрих уехал и оставил меня одну, и теперь всякая шваль может ко мне подкапывать. А я даже не могу ему пожаловаться!

Миранда выпускала дым и молча слушала.

– Что ты так вцепилась в этого козла? – спросила она наконец.

Лика передохнула и провела рукой по лицу.

– Не знаю, – медленно сказала она. – Разве я вцепилась?

– Что он для тебя сделал? – решительно начала Миранда непривычно строгим тоном.

Лица удивленно посмотрела на нее и пожала плечами.

– А я тебе скажу. Ничего и никогда он не делал. Что ты там любишь, я тебя умоляю?!

– Мам, ну чего ты, – влезла Клара, молча сидевшая до сих пор на ковре.

– А то! – покраснела Миранда. – Мой негодяй тоже козел, но у нас есть целая история. Мы были вместе, ссорились, мирились, провели бок о бок какой-то кусок жизни. А у тебя что?!

– Мам, успокойся, – осадила ее Клара. – Лик, расскажи про него, ну.

Лица легко засмеялась.

– Вспомнила! Один раз он подарил мне цветы. Просто так, ни по чему. И еще плакат!

– Счастья полные штаны, поздравляю, – иронически поклонилась Миранда. – И что теперь?

– А еще! Был большой снег, и мы пошли гулять. Гуляли по белоснежному городу и закапывали друг друга в сугробы, а потом вышли на берег, и там – чистое ровное поле, и дальше – море. И когда я попала ему снежком по лицу, он погнался за мной, и было так страшно, что сердце вылетало вон, и морозный ветер свистел в ушах, и мне казалось, что я лечу над облаками.

– Красиво, – после молчания обронила Клара, а Миранда закатила глаза.

– Ты права, конечно, – задумчиво протянула Лика, постукивая пальцами по теплой кружке. – Ничего не происходит, понимаешь? Как будто я всю жизнь готовилась к выступлению, нарядилась, стою как звезда и сверкаю, занавес открылся – а там никого.

– Удивляете вы меня, девочки, – покачала головой Миранда. – Из-за какого-то недоноска ломать себе жизнь!

Лика и Клара переглянулись и засмеялись, на что Миранда надулась и сказала, что они соплячки и пусть поживут с ее.

– Я хотя бы замуж вышла и родила, – ядовито подчеркнула она. – А не мечтала о всяких идиотах.

– Зато сейчас... – не утерпела Клара и увернулась от летящей в нее щетки.

Лика повеселела было, но снова задумалась и сказала:

– В общем, так, дорогие мои. Выпила я свой сиктур-кофе, а теперь уеду на пару дней. Хоть новостей вам привезу!

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца.

Столица

За мной, читатель!

Созрела необходимость поехать в столицу.

Меня туда направила врачиха – на какие-то диковинные

анализы, а Басе нужно сдать документы в институт насчет перевода.

Путешествие на поезде в наше время – это путь в неизведанное.

Поэтому я упаковала в свой исторический чемоданчик балльное платье, канареечные замшевые туфли на каблуке в 12 см и... не взяла ни одной теплой вещи.

Едем же всего на три дня!

Для Баси институт – официальная причина, на самом деле она едет выковырять из окопа удравшего от нее поклонника.

По правилам мирного времени, поезд должен был стоять на перроне ровно в половине одиннадцатого ночи. Мы прождали его до четырех утра.

Кажется, мы почти единственные пассажиры в вагоне.

А какой вагон!!

Ни одного целого стекла, все двери исчезли, нет даже проводника.

В поисках более или менее приличного купе мы прошли весь коридор и наткнулись на двух испуганных женщин, мать и дочь: решили держаться кучкой.

Поезд ехал двадцать часов.

Двадцать!

Четыре из которых нам удалось подремать, а оставшиеся шестнадцать пришлось угрюмо слушать нескончаемый треп молодой соседки: она едет из Стамбула, где учится турецкому языку, работала на телевидении, замуж не хочет, купила

восемь пар новых туфель...

Поезд почти все время стоял, двигался короткими рывками, и за стеклами расстилался практически один и тот же пейзаж: безлюдные поля и полуразрушенные здания.

Когда все успело так обветшать – недоумевали мы и принимались есть свои дорожные припасы. За трапезой поневоле сблизились с попутчицами, как будто знаем друга друга последние десять лет.

Прибыли глубокой ночью следующих суток.

Столица была тиха и выглядела опасно, поэтому соседки пригласили нас к себе переночевать.

Утром мы отправились по своим делам и вполне благополучно сдали анализы и документы.

Оставалась задача с поимкой скрывшегося поклонника. Бася набирала все его известные номера с такой яростью, что стерла палец. Везде отвечали разное: то уехал, то на работе, то спит.

Решили разработать «план Б»:

1. Позвонить ему от имени родственников трагически погибшей любовницы и сообщить, что у него остался ребенок.
2. Позвонить от имени Стивена Спилберга и предложить роль в космическом боевике.
3. Позвонить от имени группы британских бизнесменов и предложить кредит от Ротшильда.

И так до бесконечности, до трех часов ночи.

Уснули охрипшие от хохота и вконец растерянные.

Наутро Бася позвонила снова и нарвалась на визгливую молодую женщину. Та сообщила, что является супругой искомого поклонника, и поинтересовалась, что ему передать.

Все происходит в первый раз. Вот и настал тот час, когда юное доверчивое сердце грубо разбито искателем приключений.

Пожалуй, нам тут больше нечего делать, надо покупать билеты обратно.

И тут внезапная новость: поезда бомбят.

Родственники звонят наперебой и в страшной тревоге требуют оставаться в столице.

А у нас – ни денег, ни одежды, ни дел.

И обуяла нас тоска по родному городу нескончаемых дождей и ржавых зонтиков!

Там по крайней мере всегда есть к кому сходить поужинать.

Наскребаем последние копеечки и идем на базар покупать самое дешевое, что там есть: лук, фасоль и перец.

Теперь у нас каждый день на обед суп, жареный лук и много перца.

– У меня есть толпа дальних родственников, может, к ним зарулить? – предложила Бася.

После недолгих моральных метаний я согласилась, и некоторое время мы жили по схеме: утром она названивает очередным родственникам, они радуются и приглашают нас в гости, мы приходим, светски беседуем, долго отказываемся

от угощения, а потом считаем все подряд, как бульдозеры.

Подозревая нехорошее, родственники дают нам с собой остатки обеда и баночки с аджикой.

В гости я поначалу отправлялась в своем нарядном платье и на каблуках – для респектабельности, но в скором времени пришлось экономить деньги и на транспорте, поэтому перешли на пеший режим. Каблуки спрятаны в чемоданчик, мы обе одеты в черное, как ниндзя.

– Девочки, вы беженки? – спросила сердобольная бабушка на остановке.

Мы так захохотали, что бедную бабушку сдуло на три метра.

А ведь и в самом деле в некотором роде беженки, да.

Так прошли полтора безумных месяца, стало безопасно, и мы, порядком похудевшие и потрепанные, вернулись в свой маленький эдем.

По крайней мере городок Б. война обошла стороной.

Непонятная, странная, непредсказуемая война. Свои убивают своих, считая их чужими. И кому покажется, что ты чужой, – неизвестно.

Сумасшедших стало слишком много.

Стервы

Жизнь в одном доме с Мирандой познакомила Лику с многими удивительными людьми, о существовании которых

она даже не подозревала в своей прошлой благополучной жизни.

Пока Мирочка возлежала на румынском диване, ее пришли провести две крашенные лахудры с мужьями.

– Ну все, теперь держись, – прошипела Клара на ухо Лике.

Одна из визитерш – высокая тощая блондинка с узким малиновым ртом, вторая – пухленькая уютная бабенка, похожая на буфетчицу в вокзальном кафетерии.

– Я же демократ, и все люди равны! – шептала Лика Кларе, которая пришла к ней на кухню излить душу.

– Ты видишь, да? Ты видишь, кого она водит к несовершеннолетней дочери в дом? – причитала Клара. – Ненавижу их, ненавижу, позорные твари, и ты с ними не особо сюсюкайся.

– Мнэээ. Ну, они, конечно, выглядят странновато, но...

– Обе – бывшие портовые шлюхи, – уточнила Клара. – Поймали каких-то лохов, вышли замуж и резко стали порядочные. А мама хочет быть, как они, женой моряка, потому и дружит с ними! Господи, какой позор!

Лика вынесла кофе и присела слушать женский треп.

Тема беседы была, естественно, – способы улавливания матроса в брачные сети.

Пухлая описала свой вариант замужества. Она разливала на соседской свадьбе вино из чайника, и к ней пристал вот этот мужчина, и никак не отставал, и тогда она придумала, как его отшить: «Ну чтобы получил, что хочет, и отвалил! А

он видишь как – не отвалил!»

Герой повествования – этот самый упорный мужчина – слушал, кивал и благодушно улыбался.

– Ты слышишь ЭТО?! – шептала на ухо Клара, пылая всем лицом.

Обдумывались стратегия и тактика захвата матроса в плен, лексикон был самый что ни на есть интересный для филолога, исследующего связь речи с социальным статусом и образованием; мужчины лениво поддакивали, что никуда он не денется.

– Господи Иисусе, – прошептала Лика. – А ведь я думала, что очень хорошо знаю простой народ! Они мне напоминают персонажей рассказа Эдгара По «Маска красной смерти».

Девочка выпучила глаза и сказала, что у нее есть Эдгар По, и завтра же она его прочитает.

Миранда сидела мрачная, слушала советы матросов и их жен и курила не переставая. Кажется, она задумала какой-то отчаянный шаг.

Лика поняла, что в скором времени Клару придется временно удочерить.

Один из членов вашей семьи (или как минимум близкий знакомый) непременно в рейсе. Поэтому вы знаете, что значит «судно на каботаже» или «на рейде».

Наказание Клары

– Эта девчонка меня доконает, – холодно произнесла Миранда, осторожно придерживая больную руку.

– Кларка-то? Ну она же подросток, переходный возраст, то-се. Перебесится, – успокоительно отозвалась Лика с ковра, на котором она старательно делала скручивания.

– Нет, – в голосе Миранды зазвенел металл, – она неуправляемая. Ты замечаешь, как она со мной разговаривает?

– Замечаю. Но это же понятно: она сейчас поймала момент, когда мать беспомощна. И проверяет границы.

– Ничего мне не понятно, – отрезала Миранда. – Когда тебя нет дома, не представляешь, как она надо мной издевается. Мне даже стыдно рассказывать! Сделала из меня игрушку. Потеряла к матери всякое уважение, и дальше будет хуже, я не могу этого терпеть. Я найду на нее управу.

Лика и думать забыла про этот разговор, хотя в последнее время и в самом деле мама с дочерью ругались до визга, и приходилось их разнимать, но через пару дней в гости вечером снова заявили «лахудры».

В этот раз они выглядели как-то напряженно, во взглядах прослеживалась тайная мысль – особенно у тощей, она сжимала свои тонкие малиновые губы и в целом имела вид человека, которому предстоит тяжелая миссия.

Лика с облегчением пошла варить кофе, чтобы не сидеть

с ними, Клара увязалась было за ней, но Миранда ее остановила.

Из гостиной почти ничего не было слышно, только Миранда односложно отвечала на вопросы сердобольной пухляшки о состоянии здоровья: да, уже лучше, да, скоро разрешат вставать, нужен рентген, и вдруг громким искусственным голосом – Клара, детка, принеси из ванной спирт и вату, мне укол надо делать.

Лика понесла по коридору поднос с чашками, девочка протопала мимо нее в ванную, а за ней почему-то солдатским шагом следовала тощая.

Она даже не глянула в сторону Лики, и в ее руке болтался длинный кожаный ремешок, стучаясь о голенище сапога.

К чему бы это, подумала Лика, поставила поднос на столик и стала расставлять чашки.

В гостиной повисло тяжелое молчание, Лика украдкой оглядела сидевших и заметила, что мужчины мрачны, пухляшка пошла пятнами и сжимает руки, а Миранда с каменным лицом выпускает дым уголком рта.

Что происходит, мелькнуло в голове. Лика села и потянулась за своей чашкой, как вдруг из конца коридора раздался леденящий душу вопль.

– Что случилось?! – испуганно вскрикнула она и приготовилась бежать в ванную: из-за закрытой двери доносились визги, захлебывающийся плач и пронзительные окрики.

– Садись, – жестко приказала Миранда. – Не смей дви-

гаться с места!

– Молодец, мать, – подал голос один из мужчин и переменял позу в кресле. – Обнаглела вконец!

– Что? Что происходит? – Бледнея, Лика повернулась к Миранде. – Объясни мне, что ты сделала?!

– Ничего не сделала, – холодно отозвалась Миранда. – Я сама не могу ее проучить, хорошо вот друзья есть.

– Лика!! Лика!! – истошно вопила девочка из ванной. – Иди сюда, Лика, спаси меня!

– Сиди, тебе говорят!

– Добреньким быть легко, – просипел второй муж. – Детей надо бить! И хорошо бить! Иначе толку с них не будет!

– Она ее ремнем бьет? – ужаснулась Лика, и слезы брызнули сами собой: крик девочки сверлил голову, и в глазах побелело.

– А чем придется, – усмехнулась Миранда. – Еще не хватало, чтобы в собственном доме эта тварь меня гнобила. Пусть знает, что такое мать! И ты не вмешивайся, не твое это дело, поняла?

Пухляшка поддакнула, хотя ей стоило усилий удержать спокойное выражение лица. Лика облизала сухие губы, чувствуя, что теряет сознание.

– Я пойду в кухню, – с трясущимися руками она поднялась с места и на нетвердых ногах направилась к коридору.

Свист ударов стих, но рыдания Клары и ее истошные крики продолжались.

– Хватит уже, может? – не выдержал муж пухляшки. – Я пойду, да?

Лика стояла у окна, прижав стакан с водой к пылающему лбу, и не могла остановить дрожь. Дверь ванной распахнулась, и оттуда, как шаровая молния, вылетела растрепанная красная Клара.

– Я тебя ненавижу!! Я вас всех ненавижу! Ты не мать! – Девочка в истерике металась по комнате, как взбесившийся снаряд, и никто не мог к ней приблизиться – кажется, эти люди начали понимать, что сделали что-то стыдное и страшное, и не давали отпора.

– Заткнись и умойся, – монотонно протянула Миранда. – Получила? Хорошо было надо мной издеваться?

– Нет!! – Визг Клары резал воздух, застилал глаза, Лика не выдержала, прибежала из кухни, схватила ее в охапку и потащила прочь.

– Пусти меня! Я их убью! – билась Клара, сшибая по пути стоявшие на полках книги, безделушки и вазочки. – Я уйду из дома, уйду, и живи без меня! Тебе будет лучше без меня! Наконец освободишься!

Лика затолкала девочку в спальню и захлопнула дверь.

– Все, все уже кончилось, успокойся, маленькая, – она уложила трясущуюся Клару на кровать и укрыла ее пледом. – Я сейчас, только не выходи.

– Почему ты не пришла? – прорыдала девочка, вжимаясь в подушку. – Даже ты! Даже ты...

– Я не могла, – выдавила Лика, вышла из комнаты и увидела столпившихся возле входной двери гостей.

– Закрой за нами, – высоким надменным голосом сказала тощая и перешагнула через порог, засунув руки в карманы.

– Если что – зови еще, – кинул напоследок ее муж.

Лика молча проследила взглядом, как неловко топтались в проеме пухляшка с мужем, заперла дверь и пошла на кухню накапать валерианки.

Когда Клара уснула, Лика в полумраке вышла в гостиную.

Миранда не спала. На одеяле стояла полная пепельница, а она все продолжала курить.

– Тебе принести чего-нибудь?

– Окно открой, – коротко бросила Миранда.

Лика впустила холодный ночной воздух, потерла глаза, подышала, не понимая, что делать дальше.

– Знаешь что, – сказала она, – это твой ребенок, твой дом, и я не имею права тебя осуждать. Но мне надо на какое-то время уйти.

Миранда затушила очередной бычок, подтянула больную руку, молча откинула одеяло и медленно, неловко встала.

Лика поняла, что не следует пытаться помочь. Миранда шла долго, закрылась в ванной, потом зашла в спальню.

По углам разлеглась тишина, в открытое окно дышала зябкая ночь, едва слышно тикали часы под бронзовым купидоном. Глаза горели, сердце колотилось, как после долгого бега.

Послышался звук открываемой двери, Миранда так же медленно, но уже увереннее дошла обратно до постели, осторожно села, вздохнула и повернулась к Лике.

– Они больше сюда не придут, – сказала она.

Лика кивнула.

– Хорошо, что ты не вмешалась. Нам надо было самим разобраться.

Лика снова кивнула.

– Только останься с ней еще немножко, пока я буду в отъезде, ладно?

Дневник.

Такое-то число такого-то месяца.

Клара

Как только Миранда встала на ноги, она умотала к матросу.

Мы с Кларой остались жить вдвоем.

Как раз в это время все окончательно развалилось, задули ветры тлена и упадка, исчезли все составляющие былой нормальной жизни, а в первую очередь – свет и вода в кране.

Время от времени свет все же дают, и почему-то строго в четыре утра.

Надо успеть сварить хоть какой обед на электроплите, нагреть воды, погладить одежду (зачем?!), помыть голову и высушить ее ФЕНОМ!!

И если очень сильно повезет – пропылесосить.

Это каждый раз как волшебство – погруженный во тьму и глухую тишину город вспыхивает и внезапно начинает звучать из всех окон и дверей: музыка, смех и перекрикивания посреди тьмы.

Клара, золотая девочка, подрывается со мной.

Мы медленно стряпаем в полусне, а она перечисляет, что когда-то готовила ее бабушка.

– Самое вкусное знаешь что было? Ореховый торт. Ма-ма-а-а, какой вкусный! Но очень дорогой. На него продуктов надо было рублей на двадцать, не меньше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.